

Глава III

ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО АЙНОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Общественный строй

Традиционный уклад жизни айнов базировался на ведении общинного хозяйства. В политическом и хозяйственном отношении община обладала относительной самостоятельностью и выступала основной социально-экономической единицей.

Община могла включать от одного до нескольких поселков (айнск. *котан*). Каждый поселок, в свою очередь, состоял из двух-трех или большего количества домов (рис. 1). Поселки, где было свыше десяти домов, считались большими.

Местоположение поселков объяснялось хозяйственной деятельностью айнов, в которой центральное место занимало рыболовство. При выборе места для жилья также учитывалась доступность

Рис. 1. Поселок айнов Хокайдо. МАЭ РАН (№ 529-53)

питьевой воды и охотничьих угодий [Арутюнов, Шебеньков 1992: 9]. Чаще всего летние поселения, состоявшие из наземных домов (айнск. *тисэ*), обустроивались в устьях и на берегах рек, близ озер или на морском побережье. Дома всегда строили в линию на небольшом расстоянии от берега [Онуки-Тирни 1996, № 3: 110].

В поисках добычи айны могли надолго покидать родные места и кочевать по горам или островам. Тем не менее даже после длительного отсутствия они обязательно возвращались в свои деревни. Другое дело, если число семей возрастало и, как следствие, увеличивалась нагрузка на промысловые угодья. Тогда некоторые семьи были вынуждены искать для себя другие, более подходящие места и перемещаться туда [Лим 2010: 179].

Дома, как правило, ориентировались в восточном направлении. В случае, если поселение располагалось на берегу реки, оно могло размещаться по направлению к низовьям водоема. Известно также, что айны северо-восточного побережья Южного Сахалина возводили жилища «фасадом», направленным в сторону гор — самой священной части мироздания [Онуки-Тирни 1996, № 2: 80].

Обитателей верховьев рек называли *пени-ун-гуру*, тех, кто селился по среднему течению, — *пани-ун-гуру*, а по нижнему течению, у устья реки, — *пана-ун-гуру*. Предпочтение отдавалось местам, расположенным не в верховьях, а в низовьях рек [Лим 2008: 147].

На зиму жители прибрежных поселков нередко перебирались в зимние жилища — землянки (айнск. *той-тисэ*). Их сооружали на южных склонах возвышенностей. Переезд из одного жилища в другое всегда сопровождался обрядом жертвоприношения божеству местности [Осипова 2008: 50].

Помимо насельников морского побережья, среди айнов выделялись группы, которые постоянно жили в горах. Назывались они *ким-ун-утара* [Лим 2008: 147]. На Хоккайдо горные айны в основном промышляли охотой и занимались земледелием. Из-за нехватки продуктов им часто приходилось спускаться к обитателям речных долин и приобретать у них рыбу [Щепкин 2011: 139].

В Средние века локальная группа айнов представляла собой родовую общину, которая формировалась исключительно по кровнородственному принципу. Айнские общины селились рассредоточенно, маленькими поселками, находившимися друг от друга на значительном расстоянии. Известно, что на Курилах, например, где рода расселялись по разным островам, отдельные поселения

не имели ничего общего между собой и были большей частью враждебно настроены по отношению друг к другу [Полонский 1871: 375].

Со временем кровнородственный принцип уступил место территориально-общинному, но и при такой системе родовой признак в организации членов общины продолжал играть важную роль. Единство общины проявлялось в коллективной собственности на охотничьи, рыболовные и земледельческие территории, совместном проведении религиозных праздников, местном управлении и различных формах взаимопомощи.

Охотиться и заниматься рыболовством на промысловых угодьях посторонним без разрешения старейшины стойбища запрещалось. Однако в тех районах, где общины были тесно связаны между собой родственными узами, как, например, на северо-западном побережье Сахалина, айны не слишком следили за территориальными нарушениями. Более того, «соседние селения в значительной степени зависели от природных ресурсов друг друга» [Онуки-Тирни 1996, № 3: 110]. Однако так было не везде. Случалось даже, что правом исключительного пользования тем или иным участком наделялась отдельная группа родственников.

Ядром общины были мужчины, объединенные единой линией родства, которая основывалась на происхождении от общего мужского предка. Кровные представители данного коллектива вместе составляли «поколение одного предка» (айнск. *сине-экаси-икиру*). Принадлежность к «поколению одного предка» маркировалась специальным родовым знаком (айнск. *экаси-итокна*), который ставился на таких культовых предметах, как *инау*, жертвовавшихся духам, и на некоторых других.

В пределах одного крупного селения или нескольких более мелких общиной руководил старейшина *котан-коро-куру* (*котан-коро-нисьна*). Он был связан кровными узами с представителями мужского сообщества данной группы. Чаще всего свое звание старейшина передавал по наследству. Если в семье *котан-коро-куру* не оказывалось сыновей, то после смерти на общем собрании общины избирался новый старейшина из другой семьи¹ [Лим 2008: 148].

---

¹ Наряду с *котан-коро-нисьна* у айнов существовал так называемый священный вождь (*котан-айсара-камуи*) — самый почтенный старец в общине. Он мог быть одновременно и обычным вождем, и священным [Онуки-Тирни 1996: 111]. По мнению В. Д. Косарева, в далеком прошлом

Старейшиной мог оказаться человек «со стороны» и в том случае, если айны принимали решение, что он лучше справится с работой, поскольку важнейшим качеством лидера было умение руководить. Так, Э. Онуки-Тирни отмечала, что, когда Хенчока, вождь селения Райчиска, совершил самоубийство, местные люди пригласили сына сестры его отца, живущего в ближайшем стойбище. Тот отклонил предложение, понимая, что еще молод, и старейшиной стал Нотопа Айну, который также не состоял в кровном родстве с умершим [Онуки-Тирни 1996, № 3: 112].

Старейшина выступал основным распорядителем всех праздников, выстраивал взаимоотношения с другими общинами, разрешал споры. Он также представлял айнскую сторону в торговле с японцами.

Кроме *котан-коро-куру*, было еще две должности — помощник старейшины (*хатико-котан-коро-нисьна*) и общественный посыльный (*сонкокоро-айну*). Посыльный должен был оповещать население соседних деревень о важнейших событиях, таких как свадьба или похороны [Там же: 111].

Для руководства селением, состоявшим из нескольких неродственных между собой больших семей, созывался совет старейшин. За исключением военного времени, этот совет, обладавший как законодательными, так и судебными полномочиями, ограничивал власть старейшины *котан-коро-куру*.

По данным Б. О. Пилсудского, на Сахалине были родовые старшины, оказывавшие влияние на целые районы. Они пользовались всеобщим уважением и принимали участие в решении важных вопросов [Пилсудский 1907а: 114].

Следует отметить, что, помимо мужского родства, генеалогический учет в айнском обществе велся и по женской линии. Объединения женщин назывались «поколения одного очага» (айнск. *сине-хуци-икиру*) или «один карман (запазуха)» (айнск. *сине-упсор*). Представительницы этих объединений вели родство от общей прародительницы, которая ассоциировалась с «хозяйкой огня» (айнск. *камуи-хуци*). Как и в случае с мужчинами, от матери к дочери передавались специальные родовые знаки — набедренные повязки

котан-айсара-камуи был прежде всего военачальником, о чем свидетельствует название (в архаическом айнском *сара* означает война). Со временем, когда междоусобные войны и войны с японцами прекратились, титул стал символическим.

определенного вида [Осипова 2008: 84; Таксами, Косарев 1990: 144]. При этом родственные узы по женской линии были даже прочнее, нежели по мужской. Видимо, эволюция в айнском обществе происходила от материнского рода к отцовскому. Хотя «нет оснований утверждать, что в прошлом женщина у айнов стояла безусловно выше мужчины... высокое ее положение несомненно» [Таксами, Косарев 1990: 145].

Несколько локальных групп, живших по соседству, могли составлять социальное объединение «одним знаком совместно владеющие люди» (айнск. *сине-итокпа-уко-кору-утару*). У этого объединения не было старейшины и территории в коллективной собственности. Ее единство проявлялось лишь во время медвежьего праздника. Вообще, на медвежьем празднике межобщинные контакты проявлялись наиболее отчетливо [Арутюнов, Щебенков 1992: 97].

Наконец, общины, жившие в долине большой реки, как правило, образовывали речную группу (айнск. *нет-ивору-утару*). Она объединяла несколько патрикланов с совокупностью родовых знаков и, по сути, представляла собой самую крупную социально-политическую единицу — племя. Сохранились свидетельства об общеплеменных ритуалах, связанных со стихийными бедствиями. Предполагается также, что в прошлом у айнов иногда действовала межплеменная военная организация [Арутюнов, Щебенков 1992: 98; Таксами, Косарев 1990: 143].

Консолидации айнов и развитию межплеменных союзов в XVI–XVII вв. способствовала деятельность клана Мацумаэ. Мацумаэские князья учреждали внутри айнских владений свои торговые фактории и стремились с максимальной выгодой эксплуатировать местное население. С одной стороны, развитие торговли с японцами привело к появлению более сильных в экономическом отношении айнских объединений, а с другой — создало предпосылки для возникновения мощного антияпонского движения, которое во второй половине XVII в. вылилось в восстание Сякусяина [Лим 2010: 179].

Территориальное деление

Издавна общество айнов, а также их предков *эмиси* не было однородным. Так, согласно китайским источникам, в середине VII в. среди *эмиси* северо-востока Хонсю японцы выделяли три группы — *цугару-эмиси*, *ара-эмиси* и *ниги-эмиси* [Kodaijin to ainu:

URL: <http://homepage3.nifty.com>; Kojima 2009: 33]. Что лежало в основе такого разделения, не вполне ясно.

По мере продвижения вглубь северных территорий в поле зрения японцев оказалось население о-ва Эдзо (Хоккайдо). В XIV в., как отмечалось в первой главе, здесь также выделялись три группы: *хиномото*, *карако* и *ватарито*.

Именуя обобщенно всех туземцев по названию острова, японцы стали разделять их, следуя географическому принципу: на «передних эдзо» (яп. *куци-эдзо*) и «дальних эдзо» (яп. *оку-эдзо*). Владения первых приходились на южные и восточные земли Эдзо, а вторых — на западные² [Позднеев 1909, т. 1: 16].

Постепенно знаний о владениях эдзосцев становилось больше. Уже в «Сангоку цу:ран дзусэцу» (1785) Хаяси Сихэй сообщал, что остров был разделен на пять частей (исключая владения Мацумаэ): восточную область (от Хараки до Киритаппу (айнск. *мэнаси-куру*)), северо-восточную (между Киритаппу и Ураясибэцу), северную (оггибает бухту, от Ураясибэцу до Соя), западную (от Соя до Усубэти (айнск. *сюму-куру*)) и центральную («вдоль большой реки, соединяющей оба моря»). «Во все пять частей приезжают японские корабли и активно ведут торговлю» [Щепкин 2011: 137].

Представление о том, что *эдзо* — это айны, сложилось, видимо, в XVII–XVIII вв. Одно из ранних упоминаний слова *айно* японцами встречается в «Хоккайдзуйхицу» (1739). Данное слово имело значение «старший», «уважаемый». Затем *айно* появляется в отчете Сато Гэнрокуро по обследованию Эдзо (1786), а вслед за тем в таких документах, как «Мосиогуса» (1792) Уэхара Кумадзиро и «Эдзо котовадза дзокува» (1792). По мере того как служащие бакуфу исследовали северные земли, в японском обществе усиливалось осознание того, что *эдзо* равнозначно *айно*.

Напомним, что область расселения айнов не ограничивалась указанными территориями, но была значительно шире. Она включала южную часть Сахалина, Курильские острова, юг Камчатки, некоторые районы низовьев Амура (рис. 2).

Знакомство русских с айнами началось на юге Камчатки и Курильских островах. Представителей айнского этноса, живших здесь, казаки называли «курилы», «курильцы» или «мохнатые курильцы».

---

² В 1869 г., после революции Мэйдзи, остров в целом был переименован в Хоккайдо.

Рис. 2. Карта расселения айнов в XIX в. Источник: [Горюнов 2005: 36]

Среди них выделялись «ближние курилы» — айны Камчатки и о-ва Шумшу, «дальние курилы» — айны о-ва Парамушир и соседних с ним островов, а также «кых курилы» — айны о-вов Уруп, Итуруп, Кунашир (рис. 3, 4) [Крашенинников 1994, т. 1: 120; Спесивовский 1988: 8].

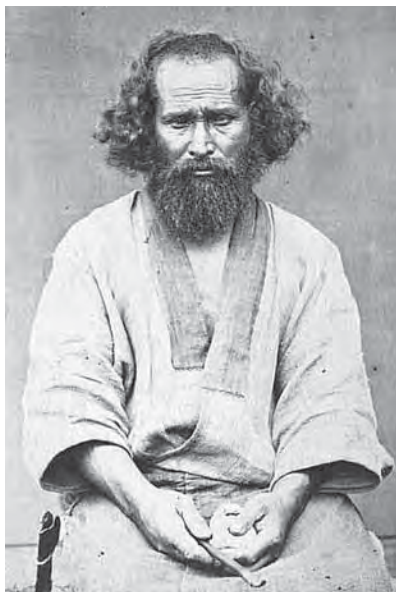

Рис. 3. Айн Хоккайдо.
МАЭ РАН (№ 529-60)

Рис. 4. Айн Курильских островов.
Источник: [Тоii 1919: pl. II]

Что касается самоназвания айнов, наиболее ранние сведения, согласно которым туземцы называли свой остров «Айну-мосёри» (*айну-мосир*), то есть «мир людей» или «страна айнов», и, следовательно, осознавали себя айнами, относятся к концу XVI в. Эти данные приводит в своих записях миссионер Игнасио Моэйра “Iezoruminsula” (1591) [Kikuchi 1999: 197; Sasaki Toshikazu 2001: 13]. Ранний пример упоминания слова *айно* в японском языке, как отмечалось выше, фиксируется в «Хоккайдзуйхицу» (1739) [Kikuchi 1999: 198].

По мнению В. Д. Косарева, из этимологии айнских имен можно предположить и более старые истоки этнонима «айну». Из средневековых японских источников известно, что предводителя айнов во время восстания на Эдзо в 1456 г. звали Косямаин. В данном случае, как предполагает ученый, скорее всего, правильное имя было *Kosamainu*. Это относится и к имени другого вождя — Сякусяина, который по-айнски должен был называться *Sakusainu* либо *Samusainu*, равно как и к именам многих других айнов с окончанием

на *-аин*, упоминающихся в японских документах того времени [Косарев URL: <http://kosarev.press.md/Ainu/>].

Предполагается, что в более раннее время самоназванием айнов были слова со значением «человек» или «особа» *кур*, *куру*, *гур*, *гуру*, а в усеченном виде (в составных словах) — *ку*. Можно еще упомянуть названия *эндзю* (*энтиу*, *энтю*) — «человек» и *эндзю утара* — «люди», до недавнего времени сохранявшиеся в сахалинском диалекте. Однако они означали прежде всего человеческое существо в целом, в отличие, например, от богов или животных.

Слово *эндзю* могло послужить источником для появления японских наименований *эмиси* и *эдзо*, а слово *куру* — нивхского обозначения *куги* и китайского *ку-и* [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 2; Левин, Дубровина 1969: л. 1; Спесваковский 1988: 8, 9; Kojima 2009: 50].

Следует отметить, что, согласно документу «Эдзосю:и» (1786), хоккайдские айны называли себя *каи* [Kikuchi 1999: 198]. Это слово, видимо, является одним из древних самоназваний. Его этимология вызывает у ученых большой интерес. М. М. Добротворский, кроме всего прочего, ссылаясь на словарь айнского языка Уэхара Кумадзиро и Абэ Тёдзабуро «Мосиогуса» (1792), указывал на слово *курумусэ* — «древние жители острова Мацмая или Айнских земель» [Добротворский 1875: 155].

Помимо обобщающих названий, в языке айнов употреблялись специальные слова для обозначения локальных групп сородичей и мест их обитания. Сегодня нельзя однозначно сказать, в какой степени они отражали внутреннюю структуру общества, но можно полагать, что в основе этого разделения лежали не только географические, но и родоплеменные различия.

Крупнейшими объединениями туземцев на Хоккайдо были *мэнаси-куру* (*мэнаси-ун-куру*, *мэнаси-ун-утара* (восточные айны)), владения которых находились от Сидзуна до Кусиро, и *сюму-куру* (*сюмункуру*, *сюмунтара* (западные айны)), селившиеся на обширной территории от Исикари до Сираой. По данным уроженца Мацумаэ, переводчика с айнского языка Уэхара Кумадзиро (конец XVIII — начало XIX в.), в восточной части острова располагались и другие объединения: в окрестностях Вулканического залива — *усёронкуру* и *усикэсюнкуру*, несколько южнее, от Сикабэ до п-ова Камэда, — *хорэбаси-ун-куру*, а от Бироу до Нэморэ — *симэнасюнкуру*

[Kikuchi 1999: 106; 2003: 104] (этим количество объединений здесь не ограничивалось).

Кроме того, для некоторых названий использовался географический принцип номинации. Так, на Хоккайдо жители бассейна р. Сару были известны как «люди Сару» (айнск. *сарунтара*, *сарункуру*), а области Соя и в целом северной части острова — «люди Соя» (айнск. *соя-унтара*)³ [Добротворский 1875: 285, 309].

На Курилах средние острова местные айны называли *рутон* (западные земли), а самих себя — *рутон-мон-гуру* (люди запада). Острова, расположенные к северу, а также Камчатка были известны у них как *цюп-ка* (*тюп-ка*) — «место восхода солнца», местное население именовалось *цюп-ка-гуру* — «люди восхода»⁴. Применительно к южным островам сохранилось упоминание о двух названиях: земли от Урупа до Эдзо могли обозначаться *яван* (население — *яван-гуру*), а земли к югу от о-ва Расшуа — *самуру* (население — *самуру-гуру*) [Таксами, Косарев 1990: 139; Позднеев 1909, т. 1: 57, 60].

Примечательно, что эдзоские айны курильцев в целом именовали *цюп-ка-гуру*, а сами курильцы своих эдзоских соседей — *ям-гуру* (люди южной стороны) [Позднеев 1909, т. 1: 57].

Сохранились свидетельства о том, что курильские айны, не имея на своем наречии общего самоназвания, часто обозначали себя словом *айну* (человек, житель) с прибавлением к нему названия занимаемого острова, а итурупские и урупские айны именовались *кых-курилы* [Добротворский 1875: 40; Крашенинников 1994, т. 1: 115; Полонский 1871: 376]. Впрочем, *курилы*, поясняет С. Крашенинников, «есть слово, испорченное казаками из слова Куши, которое жителям всех Курильских островов общее, чего ради, ежели Итурупские и Урупские жители отличают себя от прочих прибавлением слова Кых, то вероятнее, что они Кых-куши, а не Кых-Курилы именуются» [Крашенинников 1994, т. 1: 120].

³ Сохранились сведения о группе хоккайдских айнов под названием *намбуайну*, живших в XIX в. на побережье Вулканического залива в ареале *сарунтара*. Очевидно, это были потомки изгнанников с Хонсю, из местности Намбу [URL: <http://www.agesmystery.ru/>].

⁴ В российских источниках есть информация об айнах восточной части Хоккайдо *чувка-унтара*, селившихся близ мысов Сирэтоко и Нэмуру [Добротворский 1875: 427; Таксами, Косарев 1990: 141]. Надо полагать, что форманта *чувка* есть искаженное *тюп-ка*.

На Курилах существовала мигрирующая категория населения. Самые южные курильцы состояли в тесном культурном родстве с аборигенами Восточного Хоккайдо, а самые северные издавна смешивались с ительменами Камчатки⁵ [Таксами, Косарев 1990: 140]. При этом территория Курильских островов была заселена не полностью. Часть гряды была пустынной или посещалась только в промысловых целях. Названная категория курильцев совершала длительные поездки по островам с севера на юг и обратно.

Перейдем к вопросу об айнах Сахалина. Название острова происходит от маньчжурского *сахальянь*, что значит «черный» и связано с названием реки Амур. По-маньчжурски Амур назывался Сахальянь-ула (кит. *хэй-лунь-цзянь*, то есть «река черного дракона»). Дж. Бэчелор указал также на возможные айнские корни слова. Он предположил, что оно могло быть производным от айнского *сахарэн-мосири* — «волнообразная страна», то есть страна без высоких гор [Позднеев 1909, т. 1: 415–416].

В японском языке Сахалин именовался Карафуто или Карафутодзима. Источником происхождения «карафуто» можно считать слово *карахито*, то есть «танские люди» или «китайские подданные». Постепенно название поменялось с *карахито* на *карафуто* и стало означать «китайский остров»⁶. С 1809 г. за Карафуто в Японии закрепилось официальное название Кита-эдзо-ти — «северные земли эдзо» [Позднеев 1909, т. 1: 408, 415; Таксами, Косарев 1990: 140; Matsuura 1981: 64].

Известно, что айны Хоккайдо называли своих сахалинских соплеменников *трепун-мосири-утара*, а сам остров — *трепун-мосири* [Добротворский 1875: 32]. Сохранились также сведения о самоназвании сахалинцев *сирун-айно* (рис. 5) [Позднеев 1909, т. 1: 454]. Крупнейшим объединением здесь, по данным Уэхара Кумадзиро, было *рэбун-мосири-ун-куру* [Добротворский 1875: 32]. При этом

⁵ Тории Рюдзо айнов Курил разделял на хоккайдских, проживавших на Кунашире и Итурупе, и собственно курильских. Он также выделял в особую группу алеутов, переселенных на северные острова Курильской гряды русскими [Позднеев 1909, т. 1: 82].

⁶ Есть и другая точка зрения, согласно которой «карафуто» представляет собой искаженный японцами исконно сахалинский топоним «Крафто» или «Каранту». Но происхождение и значение этого слова в языке туземцев Сахалина совершенно непонятны [Косарев URL: <http://kosarev.press.md/Ainu>].

Рис. 5. Айн Сахалина. МАЭ РАН (№ 1472-34)

форманты *трепун* и *рэбун* суть одно и то же, а *трепун-мосири-утара* и *рэбун-мосири-ун-куру* синонимичны и означают «люди земли за морем».

Вероятно, в прошлом на Сахалине использовались специальные названия для отдельных более мелких родоплеменных или территориальных групп, но о них мало что известно. Можно лишь географически выделить несколько крупных центров, между которыми издавна происходили военные столкновения. Такими центрами в разное время были селения Кусуннай, Найоро и Уссуро на северо-западе, Маука на юго-западе, Тарайка на северо-востоке и Найбучи на юго-востоке [Таксами, Косарев 1990: 141].

Существует крайне мало сведений об айнах, проживавших в низовьях Амура. Как уже отмечалось, айны неоднократно приезжали сюда, чтобы охотиться и торговать, а некоторые оставались на длительное время и даже укоренялись. Согласно записям, сделанным на Сахалине в XIX в. Ф. Ф. Зибольдом, местные айны удивительно хорошо знали Амур, хотя жили от него достаточно далеко: «...надобно полагать, что река эта часто бывает посещаемая» [Зибольд 1854: 233].

Нередко сахалинские айны переходили на материк зимой в районе Де-Кастри. Р. К. Маак, ссылаясь на японских путешественников Могами Токунай и Мамия Риндзо, писал: «От места Музи-боо, лежащего при море, сахалинские айно и приморские жители местности Санда... тащили свои лодки по суше до речки Таба-матзи, потом спускались по ней в лодках в озеро Кици-хога и уже озером достигали Амура. Из рассказов людей, бывавших в тех местностях, я узнал, что к северу от залива Де-Кастри находится бухта Таба, от которой на протяжении трех верст в лесу положены по дороге жерди, чтобы облегчить волоковый путь...» [Маак 1859: 216; Осипова 2008: 153].

Случалось, что к нивхам, ульчам и нанайцам айны попадали в качестве рабов — нередко это были вдовы или слабоумные, которых выменивали на ценные предметы [Депрерадович 1877: 11; Шренк 1903: 20]. Кроме того, жители низовьев Амура иногда за долги забирали у айнов детей. Их обучали своему языку и использовали в дальнейшем в качестве переводчиков [Осипова 2008: 171].

Следует учесть определенный процент межэтнических браков. Например, предки одного из ульчских родов Куйсали были айнами. Прибыв примерно в середине XIX в. с Хоккайдо через Сахалин на Амур, они вступили в брачные отношения с ульчами и обосновались в с. Удане, а после крупного наводнения перебрались в с. Булава. Не редкостью были браки между айнами и нивхами. Л. Шренк писал: «Случается также, что амурский гиляк (нивх), возвращаясь из торгового путешествия в Японию, привозит с собой жену из племени айнов... Но почти никогда не бывает, чтобы, наоборот, амурская гилячка выходила замуж за айна» [Шренк 1903: 6].

Согласно сводным данным о составе туземного населения низовьев Амура, полученным в 1928 г., в Больше-Михайловском районе в то время находились два айнских хозяйства, в которых насчитывалось 22 человека. Еще одно айнское хозяйство располагалось в Николаевском районе. Здесь айны занимались рыболовством и лесозаготовками. В сводных данных указано, что айны «не представляют собой отдельной этнической группы, а по своей малочисленности и отсутствию отличий в хозяйственной деятельности могут быть причислены к окружающим их ульчам и гилякам» [Туземное хозяйство 1929: 39, 108]. Таким образом, можно полагать, что в низовьях Амура, как и на Камчатке, айны в значительной мере «растворились» среди местного населения в конце XIX — начале XX в. [Спеваковский 1992: 10].

Следует также отметить, что своих соседей айны называли заимствованными словами *кирен* (тунгус, эвенк), *ороката* (орок), *гирэми* (гиляк, нивх), *нуца* (русский), *сисам* или *сямо/само* (японец) [Лим 2010: 173; Таксами, Косарев 1990: 139]. Согласно «Сангоку цу:ран дзусэцу» Хаяси Сихэй, на Хоккайдо русских еще называли *хорисии сиямо*, а по Б. О. Пилсудскому — *рус* [Пилсудский 2004: 85; Щепкин 2011: 36]. Название из японского источника помог интерпретировать В. Д. Косарев: слово *хори* — это, по всей видимости, искаженное айнское *хуре/фуре* — «красный», *сии* означает «истинный, подлинный, настоящий», а *сиямо (само)* — «японец».

Семейные отношения и обряды жизненного цикла

Внутри общины низовой структурной единицей у айнов была семья. Все члены семьи делились на две возрастные группы — младших и старших. Первая включала младенцев, новорожденных, детей младшего возраста, а вторая — молодежь и старших [Онуки-Гирни 1996, № 3: 89]. Главой семьи и дома был старший по возрасту мужчина, а в случае его преклонного возраста младший брат или старший сын.

Как правило, юноша вступал в брак в 18–20-летнем возрасте. Жениться на членах своей семьи строго запрещалось, чаще всего жена выбиралась внутри своей или соседней общины. Предпочтение в браке отдавалось родственным людям, поэтому брачные пары часто приходились друг другу дальними родственниками по крови, а также родственными другим по браку [Там же: 118].

Наиболее распространенной формой выступал брак за выкуп (айнск. *мат-э-пон*), когда осуществлялась «покупка жены»: сторона жениха должна была преподнести родственникам жены богатые подарки (одежду, украшения, ножи и др.).

Само заключение брака сопровождалось особой церемонией. Перед свадьбой проходили взаимные предварительные посещения домов жениха и невесты родителями и сватами, в день свадьбы — вознесение молитв о благополучии. Затем устраивалось празднование, на которое приглашались главы родственных семей.

Во время обручения родственники жениха и невесты рвали пополам кусок шелка. Оба куска отдавали молодоженам [Осипова 2008: 89]. После заключения брака муж дарил жене самодельные ножны с ножом, а жена мужу — головную повязку [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 43].

Если жених происходил из бедной семьи и не мог уплатить достаточного количества подарков, ему не оставалось ничего другого, как жениться на более пожилой женщине — она оценивалась гораздо дешевле, нежели молодая [Осипова 2008: 94].

Кроме брака за выкуп, существовал брак по сговору между родителями о предварительной отработке. Когда девочке исполнялось десять лет, родители жениха приносили родителям невесты подарки, а за несколько лет до свадьбы жених начинал приходить в дом невесты и выполнять необходимые в хозяйстве работы. Если девушка в конце концов отказывалась выйти замуж, стороне жениха возмещали убытки в двойном размере [Арутюнов, Шебенников 1992: 102; Спесивовский 1988: 48; Шафрановская 1967: 246].

Одним из преимуществ брака за «отработку», по словам самих айнов, было то, что жениху предоставлялся шанс в любой момент отказаться от женитьбы: «...он мог тихо уйти из дома невесты, и свадьба не состоялась... Однако такого права выбора у самой невесты не было» [Онуки-Тирни 1996, № 3: 98].

При этом женщины в айнском обществе пользовались относительной свободой в выборе жениха. Родственники даже строили для достигших совершеннолетия дочерей специальные дома, где собиралась молодежь и девушка могла выбрать спутника жизни. По обычаю, хозяйка дома готовила гостям угощение. Молодые люди съедали его лишь наполовину, а остатки возвращали. Чью половину девушка доедала, тот и становился ее избранником. Жених и невеста обменивались подарками [Левин, Дубровина 1969: л. 52].

Несмотря на свободу выбора, айнка, решавшая вступить в брак, обязательно должна была заручиться поддержкой старейшины. Одна из причин этого заключалась в том, что старейшина был тесно связан с миром богов и в предстоящем браке выступал посредником между женщиной и божеством [Кюннер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 41].

После свадьбы муж чаще всего приводил жену в родное селение, недалеко от родительского дома строил собственное жилище, и молодая семья обосновывалась там. Если же он был старшим сыном в семье, то оставался с женой в доме родителей [Онуки-Тирни 1996, № 3: 98].

В иных случаях мужчина мог поселиться в поселке родственников жены. Тогда наряду с *экаси-итокна* он получал «фамильный герб» ее отца [Арутюнов, Косарев 1992: 95; Таксами, Косарев 1990: 143, 144].

Женщина, которая, выйдя замуж, переходила жить в новое селение, старалась найти в нем обладательниц своего матрилинейного знака. Представительницы единой группы родства, где бы они ни оказались, держались вместе и помогали друг другу.

Когда в семье умирал кормилец, вдова переходила к его младшему брату, двоюродному брату или другому мужчине по отцовской линии. Согласно одним сведениям, она не имела права выбрать нового мужа и выйти замуж вторично, согласно другим — могла поступать по своему усмотрению. Если мужчина терял жену, он мог жениться на ее сестре, но это случалось редко [Анучин 1876: 82; Осипова 2008: 86].

В случае смерти мужа вдова обязательно должна была снять свой пояс целомудрия и спрятать его в укромном месте (как правило, по пути к месту погребения). Считалось, что тогда пояс попадет к мужу и женщина после смерти встретится с ним. Выходя замуж повторно, айнки не брали новый пояс у матери.

Иногда заключались межэтнические браки между айнками и японцами. По рассказам самих айнов, они не являлись из ряда вон выходящим явлением.

Наиболее влиятельные айны — старейшины — в прошлом могли иметь двух законных жен. Если на первой жене (айнск. *оннемах*) мужчина женился, как правило, заключая брачный договор между родителями, то вторую жену (айнск. *понмах*) он брал без особых условностей, или «из-за романтического увлечения», или же из-за отсутствия наследника. В последнем случае свадебная церемония устраивалась предельно просто и не предусматривала приданого [Онуки-Тирни 1996, № 3: 120].

Могло быть и так, что богатый мужчина имел более двух жен или наложниц. Согласно японскому источнику «Эдзоданхикки», количество их во многом зависело от возраста — чем человек был старше, тем больше у него было женщин. Фактически наложницы находились на положении обычных жен. Но жили и воспитывали детей они отдельно [Арутюнов, Щебенков 1992: 102; Анучин 1876: 82].

Интересно, что у нивхов дело обстояло несколько иначе: «При многобрачии все жены живут вместе в одном и том же помещении, и каждая из них имеет для себя и для своих детей определенное место на нарах» [Шренк 1903: 15].

Полигамные браки у айнов считались выгодными, поскольку сулили большое потомство. Хотя некоторые женщины относились

к ним негативно, многие, напротив, позволяли мужу, а иногда и поощряли его содержать вторую жену [Онуки-Тирни 1996, № 3: 120].

Что касается наследства, его делимая часть распределялась всегда поровну между сыновьями, тогда как неделимая отходила старшему сыну от первой жены, даже если сын второй жены был старше. Нередко этот обычай становился причиной конфликтов [Там же: 119].

Развод (айнск. *усура*) в айнских семьях случался редко. Его причинами могли стать измена жены, ее лень. Особыми ритуалами он не обставлялся [Арутюнов, Щебенков 1992: 102]. Если требовалось разделить наследство, то, по установленным правилам, мужчины получали мечи, лакированные сосуды *синтоко*, чашки для водки *итанки*, а также мужскую одежду и дом. Женщинам доставались бисер, чашки для еды, женская одежда и амбар [Добротворский 1875: 84].

Рождение в семье ребенка было желанным событием и всегда воспринималось айнами как большое счастье. По мнению айнов, в создании человека всегда оказывало помощь божество. Большое число детей в семье свидетельствовало о хороших отношениях родителей с божествами. Между тем бесплодие не рассматривалось как божественная немилость [Онуки-Тирни 1996, № 3: 99].

Перед родами женщине необходимо было соблюдать ограничения в пище, а также придерживаться ряда правил. В основном это были запреты на участие в праздниках и некоторых видах хозяйственной деятельности, исключая домашний труд.

Приблизительно за месяц до родов женщина переселялась в специально выстроенный для нее небольшой дом (айнск. *ниокаси*, *покоро-тисэ*), где ребенок и появлялся на свет⁷. Новорожденного обмывали и возносили молитвы. После родов некоторое время женщине нельзя было приближаться к огню или воде — это считалось оскорблением для духов огня и воды.

Кормление ребенка грудью продолжалось до двух-трех лет. «При недостатке молока айнки принимали специальную луковую кашу — блюдо это считалось весьма эффективным. Если мать умирала или заболела, молоко малышу давала другая женщина» [Онуки-Тирни 1996, № 3: 92].

Кроме того, детей кормили пшеничной кашей и различными отварами из растений. В качестве средства для прорезывания зубов, а также пищи детям давали ребрышки медведя, зайца или собаки.

⁷ Зимой *покоро-тисэ* айны не делали: женщина оставалась в доме, а мужчины уходили к родственникам или соседям.

Имя (временное) ребенок получал спустя 4–5 лет после рождения. В 10 лет оно менялось, и новое оставалось уже на всю жизнь. Запрещалось называть детей произвольно или присваивать одинаковые имена двум людям сразу. Чаще всего ребенку доставалось имя скончавшегося в соседней деревне человека, оно не отражало семейную принадлежность [Арутюнов, Щебенков 1992: 106; Онуки-Тирни 1996, № 3: 93; Таксами, Косарев 1990: 160].

В прошлом, когда у айнов рождались близнецы, одного из них убивали. Согласно айнским поверьям, второй из появившихся на свет близнецов был порождением злого духа, и его судьба была предрешена. Однако с течением времени отношение к близнецам существенно изменилось, их стали рассматривать как полноправных членов общества [Осипова 2008: 109]. Известно, к примеру, что айны северо-западного побережья Южного Сахалина новорожденных близнецов называли «дар богов». «На ночь их непременно следовало помещать на сакральной стороне дома, их вещи, в том числе и одежда, никогда не должны были попадать на западную сторону... Девочка, рожденная в двойне сразу после мальчика, называлась “слуга духа”, о ней также особенно заботились» [Онуки-Тирни 1996, № 3: 90].

Для маленьких детей в жилищах всегда сооружались люльки (айнск. *синта*) (рис. 6). Люлька состояла из двух боковых продольных планок с выступами-петлями для веревки (курильский вариант — без петель, со специальными отверстиями), а также четырех поперечных реек, соединявшихся с боковыми планками через пазы. Материалом служили амурское пробковое дерево, если оно росло в этом регионе, или вечнозеленые деревья. Сверху на деревянный каркас укладывались прутья тростника, перевязанные в нескольких местах веревками, иногда циновка. Тростник обшивался по краям хлопчатобумажной тканью (рис. 7).

Люльки подвешивались при помощи крюка либо под потолком, либо к конструкции из трех жердей, ставившихся на полу на небольшом расстоянии друг от друга и сходящихся вместе вверху. Так малышка ограждали от блох и мышей [Онуки-Тирни 1996, № 3: 91].

На люльку вешали специальные амулеты. Когда ребенка на некоторое время приходилось оставлять одного, рядом с люлькой помещали ножи и оружие. Айны верили, что если придут злые духи, оставленные предметы оживут и не позволят им причинить ребенку какой-либо вред [Осипова 2008: 104].

Рис. 6. Люлька айнов Хоккайдо *синта* внутри жилища. «Эдзо сэйкэй дзусэцу», Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия Риндзо (1823).
Токийский государственный университет

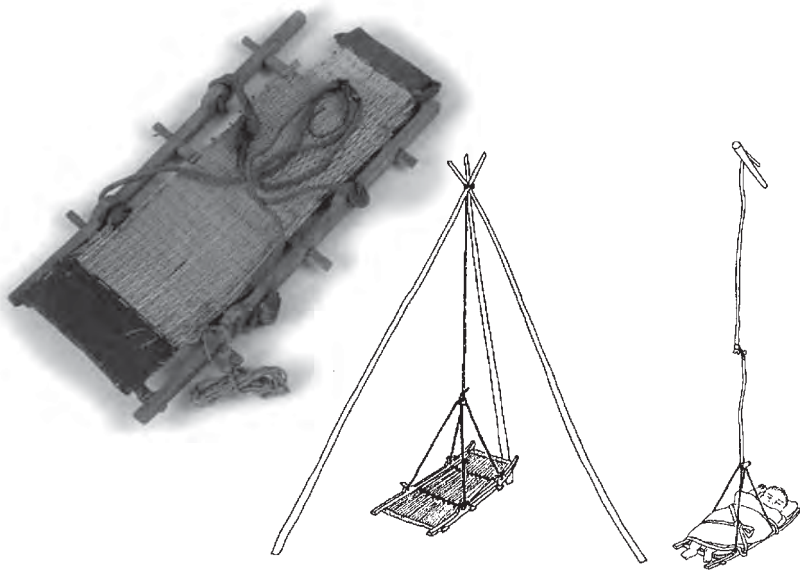

Рис. 7. Люлька *синта*. Музей Аину. Различные способы крепления люлек.
Источник: [Baba, Kodama 2000: 44; Kayano 2002: 278]

У сахалинских айнов были распространены люльки нивхского типа, которые изготавливались из ствола дерева с выемкой. Внутри помещался заячий или собачий мех, а младенец укладывался в ней так, что его ножки свешивались. Для отправления нужды в нижней части колыбели делалось отверстие [Онуки-Тирни 1996, № 3: 91].

Вне дома женщины носили маленьких детей за спиной, используя налобные повязки из крапивных нитей или древесного луба с поперечной короткой палкой (айнск. *и-э-оман*) (рис. 8).

Родители с детьми в целом были обходительны, однако с малых лет растили их в строгости: «Слезы и вопли ребенка, подбегающего к костру и трясущегося как в лихорадке от холода, какой-ни-

Рис. 8. Женщина с ребенком за спиной. Фото Киносита Сэйдзо.
Источник: [Baba, Kodama 2000: 44]

будь случайный ушиб или обжог, вызывающий те же слезы, ничем, по-видимому, не нарушают наружного спокойствия матери и, в особенности, отца. С грудными малютками, одногодками и двухлетками обращаются несколько мягче, но все, что уже умеет бегать, может плакать и кричать, не вызывая ни с чьей стороны никакого участия... если же ребенок несколько старше... то за неуместные слезы выговаривают и стараются пристыдить... Я был свидетелем, как 6-летнему мальчику обварили кипятком ногу, да так, что и взрослому в пору бы заплакать, он было и принялся, но тотчас же и со всех сторон посыпались на него увещевания, “что мальчику плакать стыдно!”, и мальчик действительно успокоился» [Депре-радович 1877: 20].

Наряду с родителями в воспитании детей участвовали старший брат, дядя по матери, тетя и старшая сестра. С 5–10 лет старики начинали обучать мальчиков молитвам. По мере взросления им показывали, как надо охотиться, заниматься рыбным промыслом, обращаться с различными столярными инструментами. Девочек между тем приучали к работе по дому, при рождении очередного ребенка они нянчились с ним.

Кроме родных детей в айнских семьях нередко воспитывались усыновленные. Они имели свои знаки, определяющие принадлежность к той или иной линии родства [Осипова 2008: 85]. Усыновленные дети могли быть японцами — редко на Сахалине, но довольно часто на Хоккайдо. Случалось это «ввиду любви айнов к детям и частой бездетности их жен с одной стороны, а с другой — при крайней бедности крестьян-японцев» и невозможности прокормить свою семью [Пилсудский 1907а: 131].

Иногда в одном доме проживало несколько семей. Если семей было две, то и очагов могло быть два. Но чаще очаг был один на всех, как и посуда, и пища.

Совершеннолетие детей наступало по достижении 15-летнего возраста и отмечалось у мальчиков особой прической, у девочек — татуировками (айнск. *синуэ*). Обычай татуировать тело восходит к неолитическим культурам эпохи Дзёмон — об этом свидетельствует своеобразный орнамент на глиняных фигурках *догу*, которые археологи находят в разных концах Японского архипелага. Кроме того, в хрониках «Нихон сёки» (720) прямо указывается, что туземцы северо-восточных районов Хонсю — *эмиси* (и мужчины, и женщины) — украшали тела узором [Нихон сёки 1997, т. 1: 243].

Первое упоминание о татуировках собственно айнов Хоккайдо встречается в записях европейских миссионеров первой половины XVII в. Несколько позднее, в XVIII в., со слов С. Крашенинникова, О. Аргунова и Ж. Ф. Лаперуза стало известно о том, что татуировались также курильские и сахалинские айны [Лим 1993: 70].

Для нанесения надрезов служили самодельные ножи, наконечники стрел, японские бритвы или иглы. В горных районах Хоккайдо и на Курилах ножи изготовлялись из камня, но чаще всего в ходу были металлические изделия⁸.

В свое время Б. О. Пилсудский приобрел у айнов Сахалина металлический нож для татуировок. У него сравнительно длинное лезвие с небольшим изгибом, рукоятка деревянная, оканчивающаяся прорезным декором в виде хвоста рыбы, ножны берестяные, обмотаны по всей длине тонкой тесьмой из коры. Сохранились также свидетельства, что женщины могли татуироваться ножами, которые носили на кожаных поясах с металлическими накладками.

По традиции татуировки наносились постепенно, начиная с губ. Вначале необходимо было сделать уколы или надрезы, а затем втереть туда краску. Это была крайне болезненная процедура, во время которой отдельные женщины даже теряли сознание. Краской служила сажа с металлических котелков, которую получали, сжигая бересту, сеledочное масло (на Сахалине), специальные растительные соки [Онуки-Тирни 1996, № 3: 96]. Эти и другие компоненты могли комбинироваться. По некоторым сведениям, для получения синего раствора айны отваривали кусок ткани, окрашенной в индиго.

Стерилизация ран и остановка кровотечения осуществлялись при помощи отвара полыни. Этим снадобьем протирали участки тела по мере того, как на них наносили надрезы. Примечательно, что котлы для сажи, прежде чем поставить на огонь, тщательно полировались. В воду иногда помещали стебли полыни, ветки кизила или других растений. Огонь поддерживали, используя лишь свежую кору, домашними очагами при этом пользоваться запрещалось [Лим 1993: 72].

Несколько отличался способ нанесения татуировок у айнов Курильских островов: «Вывостря камень, изчерчивают кожу на теле часто и легко и натирают берестяной или травяною сажею выше-описанным изчерченным язвам, и от того, почернев, зарастает»

---

⁸ Известно, что айны Хоккайдо использовали кремьнь.

[Полевой 1988: 76]. Этот способ, по всей видимости, был древний, поскольку, согласно О. Аргунову, уже в середине XIX в. молодое поколение его почти не применяло (и он постепенно был забыт). Напомним, что О. Аргунов посетил о-ва Шумшу и Парамушир в 1741 г.

В молодом возрасте болезненная процедура татуирования проводилась от одного до четырех раз в год. Постепенно количество сокращалось, и в пожилом возрасте айнки уже не красились [Добротворский 1875: 34; Muraki 2004: 71].

Особенно широкое распространение татуировки получили на Хоккайдо. Здесь рисунок наносился вокруг рта, на лбу, руках и ногах (рис. 9, 10). В меньшей степени татуировались айны на Сахалине и Курильских островах, покрывая краской только губы, кисти рук и предплечья⁹.

Меньше всего, по данным Э. Онуки-Тирни, татуирование практиковали айны северо-западного побережья Сахалина, где не было даже женщин, которые умели это делать. Поэтому туземцы ждали, пока айнка придет с восточного побережья. «Она приезжала только в большие стойбища, такие как Райчиска или Устомонай-по... у многих женщин из более северных стойбищ вовсе не было шанса нанести себе такой узор...»¹⁰ [Онуки-Тирни 1996, № 3: 97].

Иногда татуировка делалась и мужчинам, которые наносили ее на пальцы, чтобы они «крепче держали стрелу» [Анучин 1876: 103–104; Арутюнов, Щебенков 1992: 194]. Курильские айны-мужчины татуировали и губы, но, в отличие от женщин, лишь в средней части [Полевой 1988: 76; Таксами, Косарев 1990: 47; Шренк 1899: 109].

О значении татуировок в айнском обществе существуют различные гипотезы: они могли быть родовым знаком или оберегом. Согласно свидетельствам А. С. Полонского, курильские айны татуировались «в полном уповании достигнуть через то блаженства после смерти» [Полонский 1871: 377].

В связи с сообщением А. С. Полонского заслуживает внимания одно из айнских преданий, согласно которому после смерти жен-

---

⁹ По наблюдениям сборщика подати Николая Сторожева, совершившего в 1750 и 1753 гг. поездки на дальние Курильские острова, айны на 14-м Курильском острове татуировали и ноги [Анучин 1876: 93]. Вероятно, это происходило под влиянием айнов Хоккайдо.

¹⁰ Татуировку дочери могли нанести мать, бабушка или тетка по материнской линии. Однако это все же требовало определенного навыка.

Рис. 9. Женщина с татуировкой вокруг рта. МАЭ РАН (№ 2844-3)

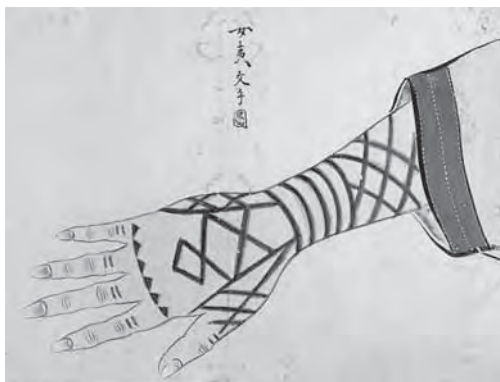

Рис. 10. Фрагмент татуированной руки. «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

щина без татуировок не могла предстать перед божеством и оказывалась в подземном царстве среди демонов. Поэтому если девушка умирала без татуировки, женщины поселения рисовали на покойной узоры сажей [Лим 1993: 76].

Кроме татуирования, айны существенно отличались от окружающих народов прической и бородой. Пышная растительность у мужского пола требовала немалого ухода. По традиции, мужчины на Хоккайдо выбривали лоб и темя, а сзади и по бокам отпускали волосы до плеч. В верхней части щек пробривали узкую полоску — около ушей оставляли два пучка волос, которые называли «ножками бороды»¹¹.

На обычай выбривать переднюю часть головы указал в свое время Л. Я. Штернберг, доказывавший южные, австронезийские корни айнов. Ученый писал: «Этой особенности мы не находим у их ближайших соседей, ни у гиляков (нивхов), ни у камчадалов (ительменов), ни у японцев, зато находим ее на Филиппинах, у батаков на Борнео и у целого ряда народов Австронезии» [Штернберг 1929: 343]. Впрочем, волосы айны выбривали не всегда. Туземцы некоторых северных районов Сахалина и Курил, подобно нивхам, заплетали их в косы [Анучин 1876: 82; Добротворский 1875: 32; Левин, Дубровина 1969: л. 41; Занятие части 1859: 395; Sasaki Toshikazu 2001: 196].

О своеобразных прическах курильских айнов, в том числе косах, сохранились сведения в упоминавшемся сочинении О. Аргунова. По его данным, «волосы прежде сего мужики [с] уха на ухо до полголовы выстрегали... а иные есть и мужики — плятут по две косы», чесались при этом «гребнями, сделанными из китовой кости о трех или о четырех зубах» [Полевой 1988: 76]. Описание О. Аргунова дополняет информация из японского источника первой половины XIX в. «Родзин сайряку Эдзо («Дело о повторном разбое русских на Эдзо»)). Речь здесь, в частности, идет о прибывших на Сахалин жителях, по всей видимости, северных Курил. Согласно источнику, «мужчины носят бороду, волосы заплетают в три косич-

¹¹ В японских источниках прически *эмиси* (предков айнов) впервые упоминаются в «Нихон сёки» (720), где сказано, что мужчины и женщины завязывали волосы в виде молотка [Нихон сёки 1997, т. 1: 243]. Несколько иную форму — с выбритым лбом и теменем, но отличную от айнской, можно увидеть на страницах «Сётоку-тайси э-дэн». Как показали исследование картины из храма Корю-дзи в Киото, созданной в начале XIV в., прически эти аналогичны прическам демонов с буддийских изображений [Kojima 2009: 96].

ки назад. Через волосы пропускают и завязывают узкий шнурок с синими бусинами» [Климов 2012: 80]. Помимо описания причесок, в «Родзин сайряку Эдзо» упоминаются одежда и вооружение курильцев, при этом одежда — русского производства.

Следует обратить особое внимание на бороды — у мужчин они могли указывать на социальное положение и были либо короткие, либо окладистые, длинные, почти до пояса. Пышная борода более всего соответствовала образу лидера¹² (рис. 11) [Kikuchi 1999: 203].

Что касается женщин, то некоторые носили волосы до плеч, обстригая их в кружок, некоторые — еще короче¹³. Расчесывались

Рис. 11. Родовой старейшина села Тарайки. МАЭ РАН (№ 626-4)

¹² Известно, что бороды отращивали и предки айнов *эмиси*. В китайском источнике «Синь Тан шу» (1060) сказано, что бороды у них были длинной в четыре чи с лишним (чуть больше метра) (перевод и комментарии И. А. Алимова) [Xin tang shu 1986: 6208].

¹³ Согласно А. Лаксману, в кружок стриглись весьма высоко, «так что весь лоб наружи, а сзади выше затылка перста на три» [Анучин 1876: 97].

самодельными гребнями [Добротворский 1875: 34]. Курильские же айнки, по упомянутым источникам — «Описание на Первом острову живущих курилов...» и «Родзин сайряку Эдзо», сплетали волосы «на многие косы... также и чужие волосы к своим приплетали, подобно как у камчадалов...» Однако к середине XVIII в. айнки уже почти не делали большие прически и заплетали волосы в две косы [Климов 2012: 81; Полевой 1988: 76].

Мальчикам, как и взрослым, пробривали переднюю часть головы, вплоть до линии ушей, но оставляли небольшой клочок волос у лба. Айны Сахалина в этот клочок вплетали вышитым бисером треугольный отрез материи *хохчири*. Снимали *хохчири* только тогда, когда подросток показывал свое охотничье мастерство. Девочек стригли по подобию взрослых [Депрерадович 1877: 20; Онуки-Тирни 1996, № 3: 94].

В некоторых районах были свои локальные особенности. На Хоккайдо в области Куссияро, например, волосы мальчикам сбрасывали и на темени.

Сбривание бороды и остригание волос (как мужчинам, так и женщинам) всегда считалось позорнейшим наказанием. Остриженные люди подвергались бойкоту соплеменников [Арутюнов, Щебеньков 1992: 126].

Хотя айны вели точный отчет годам жизни, посторонним о своем возрасте прямо никогда не говорили. По словам М. М. Добротворского, они боялись таким образом приблизить смерть. Помимо этого, среди айнов было не принято говорить об умерших, чтобы не потревожить дух покойного [Добротворский 1875: 40].

Когда жизнь пожилого человека подходила к завершению, родственники строили для него небольшой дом, крытый соломой¹⁴. Близкие приходили туда повидать несчастного и попрощаться с ним. Данный обычай находившиеся при смерти люди воспринимали очень тяжело. После смерти следовало исполнить особый погребальный обряд, чтобы душа покойного беспрепятственно отправилась в мир мертвых.

---

¹⁴ Айны полагали, что каждый человек должен иметь свой дом на небесах. После смерти владельца «временного жилища» в этом мире и завершения похоронного обряда постройку сжигали и, таким образом, отправляли на небеса.

Социально-экономическое положение и вопросы обычного права

В айновом обществе существовало разделение людей по положению на низших и тех, кто занимал почетную социальную ступень. Высокий статус человека не был напрямую связан с богатством его семейства и во многом зависел от возраста. Пожилые люди считались самыми почтенными и уважаемыми, выполняли функции вождей, хранителей религиозных обрядов, мифологии и фольклора. Касалось это и женщин, которые по достижении преклонного возраста участвовали в регламентации общественной жизни [Онуки-Тирни 1996, № 3: 102].

Особое положение стариков было основано на вере в то, что они сближались с духами, поэтому и воспринимались как самые священные представители общества.

У айнов с давних пор существовало социальное деление, основанное на происхождении человека. Это нашло отражение в языке: представителей родовой аристократии называли «небесная голова» (айнск. *нисьна*), а рядовых членов общества — «матросы» (айнск. *утаракесь*). Последнее слово имело значение «тот, кто работает веслами». К XX в. понятия «знатный» и «богач» максимально сблизились. И все же богатство не было обязательным условием высокого положения, «бывали и обедневшие нисьпы, потерявшие состояние, но сохранившие... преимущества своего происхождения, передаваемого по наследству» [Пилсудский 1907а: 112].

Именно благородные по происхождению члены общин чаще всего становились старейшинами. В далеком прошлом, вероятно, руководящие должности старейшин и вождей у айнов были выборными, но по мере социального расслоения выборная система сменилась наследственной. Из среды аристократической верхушки стали выходить и мелкие общинно-родовые руководители — старейшины селений, и крупные вожди — главы общин и районов¹⁵. Но наследственная система не исключала права (при определенных обстоятельствах) выбрать более способного старейшину, игнорируя его происхождение. Место такого лидера могли оспаривать даже молодые люди [Тураев 2010: 89].

¹⁵ Сохранились свидетельства о нескольких крупных вождях Сахалина. Один из них имел власть над айнами южной области, а другой — северо-восточной.

Главными качествами вождя считались профессионально-промысловые навыки, организаторские способности, умение справедливо решать трудные и спорные вопросы, а потом уже родовитость и богатство. Каждый *нисьна* наряду с простыми сородичами занимался рыболовством, охотой и другими насущными делами, при этом не присваивал себе часть получаемого продукта [Арутюнов, Щебенков 1992: 27; Таксами, Косарев 1990: 149].

Важным символом власти мужчин были роговидные навершия японских шлемов. На одной из картин Какидзаки Хакиё конца XVIII в. изображен вождь Тобу области Момбэцу (Хоккайдо) с рогами в руках. Отдельные изображения рогов нередко можно видеть и в других японских источниках (рис. 12) [Sasaki 1993: 222]. Существовали и другие символы общественного достоинства. Известно, например, что на Сахалине знатные женщины выделялись среди обычных айнок поясами с металлическими накладками и кольцами. Согласно Ф. М. Депперадовичу, пояса эти «служили... мерилем материального благосостояния» [Депперадович 1877: 5].

Кроме всего прочего, *нисьна* обладали большими усадьбами (айнск. *поро-тусэ*) или «домами с двумя очагами» (айнск. *ту-унчи-*

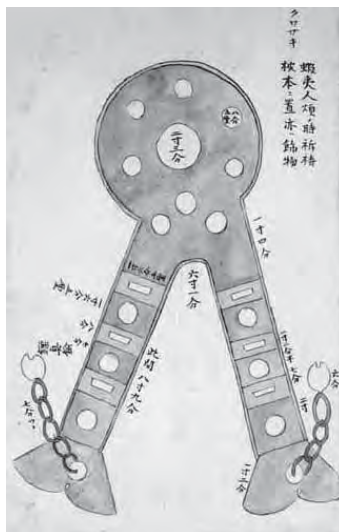

Рис. 12. Навершие самурайского шлема в виде рогов *нэра-усь-томи-камуй*. «Эдзоси», Арай Хакусэки (1720).

Источник: [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

о-тисе), ценными предметами и прислугой. Однако такая «роскошь» во многом отвечала возложенным на них обязанностям: проведения общественных собраний, организации приемов гостей и празднеств [Арутюнов, Шебеньков 1992: 27].

Интересно, что прислугу вожди набирали из числа своих бедных родственников, близких или дальних. Среди них могли быть двоюродные братья, племянники, внуки [Пилсудский 1907а: 113].

Статусу вождя соответствовал перечень ценных предметов (айнск. *икоро*), включавший деревянную лакированную утварь японского производства, металлические изделия, прежде всего японские мечи, а также шелковую и хлопчатобумажную одежду — японскую либо маньчжурскую (рис. 13, 14).

Лаковые изделия (чашки, разного рода коробки, небольшие обеденные столики и подносы) ценились все без исключения, будь то простые неорнаментированные предметы или богато украшенные, новые, в хорошей сохранности, или старые, с дефектами. Уровень их

Рис. 13. Меч айнов Хоккайдо с клинком и гардой японского производства *эмусь*. МАЭ РАН (№ 839-135). Источник: [Айнские коллекции 1998: 88]

Рис. 14. Лакированная чаша айнов Хоккайдо японского производства *токомусь-пацци*. МАЭ РАН (№ 839-203).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 9]

изготовления изменялся в зависимости от эпохи. Во времена, когда айны были полностью независимыми от японцев, те доставляли им качественную продукцию. По мере расширения японского влияния и утраты айнами независимости качество импортного товара снижалось. В конце XVII и начале XVIII в. к айнам в большом количестве стали поступать дешевые вещи¹⁶ [Sasaki Toshikazu 2001: 163].

Особое отношение к престижной утвари выражалось в способе ее хранения — из таких предметов сооружалось подобие пирамиды (айнск. *инума*, *иёкир*) (рис. 15). Эта пирамида располагалась у правой стены дома, около восточного окна — сакрально значимого места¹⁷ [Арутюнов, Щебенков 1992: 181].

Рис. 15. *Инума* — способ хранения айнами Хоккайдо лакированной утвари. Фото Киносита Сэйдзо. Источник: [Vaba, Kodama 2000: 99]

¹⁶ Вплоть до начала XX в. у айнов бытовали как старинные дорогие предметы лакового искусства, так и более современные дешевые. В 1935–1940-х гг. первые стали объектом коллекционирования и практически полностью разошлись по музеям и частным собраниям. Коллекционеры специально отправлялись в айнские деревни и скупали наиболее ценные изделия [Nobukatsu, Koji 1999: 178].

¹⁷ Накопление импортных изделий (как сокровищ) было характерно не только для айнов, но и для нивхов. Нивхи приписывали таким «богатствам» сверхъестественное происхождение. Однако перечень ценных предметов нивхов несколько отличался от стандартного айнского набора и включал еще дорогие шубы и копья с серебряной инкрустацией [Штернберг 1933: 379].

Предметы из *инума* не были простым украшением. Так, дорогую посуду по праздникам использовали для сервировки трапезы, приготовления и распития сакэ. Японскими мечами, которые у айнов по стоимости превосходили другие импортные товары, даже лаковые, именитые мужи в торжественных случаях опоясывались. Кроме того, в торжественных случаях мечи демонстрировались на специальных выставках. Айны очень гордились тем, что их сокровища привлекают всеобщее внимание¹⁸.

Из одежды высоко ценились импортные халаты из шелка или хлопчатобумажных тканей, расшитые красивыми узорами, а также богато орнаментированные изделия собственного производства из луба или крапивного волокна. Шелковую маньчжурскую одежду с изображениями драконов (айнск. *мо:дон*) и без них, пестрой расцветки (айнск. *сайдон*) разрешалось носить только мужчинам. По праздникам состоятельные айны еще надевали японские накидки с гербами (айнск. *тинбаори*) [Sasaki 1995: 31].

Существовали и другие показатели богатства — владение многими амбарами, лодками, нартами и нартовыми собаками. Кроме этого, будучи хорошими охотниками, вожди прекрасно ловили медвежат, поэтому каждый из них мог позволить себе ежегодно быть хозяином медвежьего праздника [Онуки-Тирни 1996, № 3: 113].

Хотя, по мнению некоторых этнографов, рабский труд в среде айнов не практиковался, сохранились упоминания о рабах и слугах, которых называли одинаково — *усиу* или же *иванки* [Таксами, Косарев 1990: 149; Шренк 1903: 20]. Рабом, в частности, мог временно стать человек, совершивший кражу. Он работал на пострадавшего (не более года), при этом отдавал ему все имущество. Если у грабителя не оказывалось имущества, то ему приходилось отрабатывать свой проступок несколько лет [Арутюнов, Щебенков 1992: 124].

Известно также, что айны Сахалина иногда продавали своих соплеменников в рабство нивхам, ульчам, нанайцам. Как правило, это были вдовы и вдовцы, одинокие и обездоленные люди. За каждого из них брали от 3 до 7 кусков парчи. Кроме этого, молодых

---

¹⁸ Выставки часто устраивали на медвежьих праздниках. Интересно, что эфесы прилаживались к мечам уже на месте, то есть когда мечи были приготовлены для развешивания. После осмотра всех представленных мечей бывалые, понимающие в них толк люди решали, кто может быть признан главным богачом, кто — следующим и т.д. [Пилсудский 1914: 92, 128].

и слабоумных, не пригодных для работы, выменивали на менее ценные предметы¹⁹ [Шренк 1903: 20].

Если в селении были нетрудоспособные люди, то их брал под опеку совет старейшин. Такие члены общества содержались всем селением сообща [Левин, Дубровина 1969: 49]. Опасной и неизлечимой болезнью считалось сумасшествие: «...сумасшедшие не живут в домах и, блуждая в лесу, быстро гибнут от самоубийства или голода» [Добротворский 1875: 41].

Таким образом, в айнском обществе существовала иерархическая система, в которой низшую ступень занимали рабы и свободные слуги (айнск. *усу*), а высшую — представители родовой аристократии и наиболее обеспеченные айны (айнск. *нисьна*), нередко занимавшие должности старост. Между ними находилась основная масса населения (айнск. *утаракесь*). Кроме того, в отдельную категорию выделялись шаманы (айнск. *тусу-куру*) и полупрофессиональные певцы-сказители (айнск. *юкар-куру*) [Таксами, Косарев 1990: 149].

Айнские шаманы не относились к родовой аристократии, но пользовались большим авторитетом и иногда могли соперничать с главами селений и общин по влиянию на людей. При всем уважении, какое проявляли общинники к шаману, это не оказывало прямого влияния на его социально-экономическое положение и почти никак не сказывалось на материальном состоянии. Подношения, которые приносили обращавшиеся к *тусу-куру* за помощью, считались не платой за нее, а жертвами для духов и к тому же обычно состояли из простых недорогих вещей, чаще всего из пищи [Онуки-Тирни 1996, № 4: 74].

Была еще одна категория жителей селения. В ряде случаев в общине айнов мог появиться пришлый человек, по каким-либо причинам утративший связь с близкими сородичами (айнск. *анун-утару*). Те из них, у кого в этом селении имелись родственники, могли с разрешения старейшины оставаться здесь несколько лет. Полностью одиноким разрешалось проживать на усадьбе старейшины, при этом они были обязаны работать на него. Эта категория могла

---

¹⁹ По поводу рабов айнов в обществе нивхов Л. Шренк писал: «Рабы и рабыни не пользуются никакими общественными правами и находятся в полной зависимости от своего господина. Это не больше, как домашние животные в образе людей... Само собой разумеется, на их долю выпадают самые тяжелые работы» [Шренк 1903: 17].

в дальнейшем получить право завести свое хозяйство, однако полноправными членами общины они не становились. Так или иначе, у чужаков всегда существовала возможность войти в общину в качестве примаков [Арутюнов, Щебенков 1992: 98].

В XIX в. с развитием на Хоккайдо и Сахалине рыбопромышленности и открытием общественных рыбных промыслов у айнов стали создаваться артели. В большинстве случаев их возглавляли родовые старосты селений — они и руководили, и распределяли заработную плату [Пилсудский 1907а: 115]. По обычаям айнов, писал Б. О. Пилсудский, артельный староста не должен был при распределении дохода получать больше других. Однако «перенятый уже в Японии взгляд современной культуры... проникает понемногу в сознание айнов...», и теперь уже в редких случаях начальники артелей «являются бескорыстными защитниками ее интересов» [Там же: 99].

Если на каком-либо рыбном участке артели работников было недостаточно, айны призывали их со стороны. «В двух домах на восточном берегу я видел проживающих в виде дешевых рабочих русских поселенцев, получавших невзыскательную пищу и 2–3 рубля в месяц. На западном берегу роль работников родственников несут часто айны, вернувшиеся с Хоккайдо (называемые исикари-айны). Говорят также, что во время рыбной ловли помогают за плату и японцы...» [Там же: 113].

Постепенно среди айнов стали появляться рыбопромышленники, которые вели «вполне капиталистическое хозяйство, являясь арендаторами промыслов, эксплуатируемых ими на одинаковых условиях с японскими и русскими рыбопромышленниками...» Но эти люди не пользовались всеобщим авторитетом и любовью, какими был окружен традиционный *нисэна* [Там же].

При наличии лишь морального авторитета родовых глав и старых людей специального аппарата принуждения в айнском обществе не существовало. Суд внутри общины производился в соответствии с нормами обычного права. Судили провинившихся всегда гласно, при этом прибегали к испытаниям — от словесных состязаний до пыток. Важная роль в тяжбах отводилась старейшине. Однако если во время судебного разбирательства старики опротестовывали его решение, то оно теряло юридическую силу [Арутюнов, Щебенков 1992: 125].

Когда разгорался крупный конфликт, то признавая свою вину сторона должна была выплачивать потерпевшей стороне свое-

образный штраф *асимпэ* или *цукунай* — «возмещение убытков» за нанесенную обиду. Он включал разные ценные предметы, чаще всего японские. Самыми дорогими считались мечи.

О мечах и саблях как предмете откупа у айнов Сахалина писал М. М. Добротворский. По его данным, в ходу были маньчжурские сабли стоимостью 10–15 соболей каждая, при этом плата саблями не приносила богатым больших убытков [Добротворский 1875: 38]. Гораздо дороже стоили японские мечи. Из более ранних времен известно, например, что во время вооруженных столкновений с японцами айнам часто приходилось «расплачиваться» такими мечами с самими японцами.

В целом откуп за ту или иную вину ценными предметами для айнов был тяжелой расплатой, и не только потому, что человек утрачивал часть богатства, но и ввиду того, что эти вещи рассматривались как священные. Их утрата означала, что ответчик терял весомую часть своих возможностей в совершении ритуалов, что ставило под угрозу его отношения с потусторонними силами [Онуки-Тирни 1996, № 3: 113].

Словесные состязания во время судебной тяжбы (айнск. *чаранкэ*) — весьма своеобразная айнская традиция. Айны высоко ценили красноречие и рассматривали его как необходимое качество кандидата на место старейшины. При разборе конфликта путем *чаранкэ* надо было нараспев произносить длинные речи, умело подбирая слова и обращаясь к древним преданиям и мифам. Тот, кому удавалось заставить замолчать противника, признавался победителем. Победенный должен был заплатить штраф ценными вещами, а при их отсутствии — понести телесное наказание [Левин, Дубровина 1969: л. 50].

Как правило, спор в *чаранкэ* разрешала третья сторона — старейшина или другая влиятельная особа, в том числе шаман. Если спорщикам договориться не удавалось, то прибегали к дуэли — битью друг друга дубинками (айнск. *суту*). Если спорщики довольствовались нанесенными побоями и успокаивались, айны полагали, что из тел изгнаны злые духи, и устраивали развлечения [Арутюнов, Щебенков 1992: 121].

Красноречию, столь необходимому в традиционной жизни, учили с детства. Было много специальных игр для детей, основанных на словесных состязаниях. К таким играм можно отнести *чяротонасозписикэзитаку* — разновидность скороговорки, когда нужно безошибочно повторять сложную фразу [Там же: 117].

Что касается битья палками, то, помимо применения его в поединках, это было одно из наиболее распространенных и позорных наказаний (айнск. *укар*), которое наглядно можно видеть на картинах Кодама Тэйрё «Эдзо-но-куни фу:дзоку дзукан» (середина XVIII в.), Хата Авакимару «Эдзосима кикан» (конец XVIII — начало XIX в.) и в сочинении Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия Риндзо «Эдзо сэйкэй дзусэцу» (1823) (рис. 16). Судя по ним, экзекуция совершалась так. Провинившегося раздевали по пояс, а на шею накидывали небольшой кусок материи. Два человека удерживали материю, еще один наносил удары дубинкой. Женщина брызгала на спину наказуемого воду из сосуда при помощи пучка травы (айнск. *такуса*), отгоняя таким образом злых духов [Sasaki 1993: 226].

Согласно «Хигаси эдзо ико» (список сочинения «Эдзо сэйкэй дзусэцу»), *укар* применялся еще при неестественной смерти и осуществлялся по отношению к ребенку погибшего: «Подвергая избиванию ребенка, его заставляют бояться и быть осмотрительным... Есть и такой смысл, что ребенок печалится о трагической гибели родителя, страдание его огромно, и есть опасность, что он и свою жизнь погубит, поэтому, избивая его, пробуждают его мысли и чувства» [«Хигаси эдзо ико» 2013: 132].

Палицы для *укар* отличались тем, что чаще всего не имели каменных утяжелений (рис. 17). Хранили их в доме на стене, подвешивая за петлю, иногда помещали на подушку (обмотав *харке-инау*) или на сакральную изгородь *тисэ-кор-нусасан*. Особенно айны почитали старые дубинки, на которых оставались частички человеческой кожи и крови, свидетельствующие о применении их в прошлом для жестоких пыток.

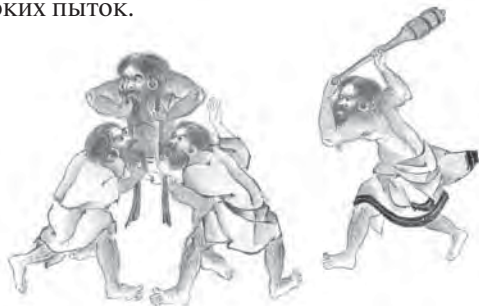

Рис. 16. Наказание с использованием дубинки *суту*. «Эдзо сэйкэй дзусэцу», Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ, Мамия Риндзо (1823).
Токийский государственный университет

Рис. 17. Дубинка айнов Хоккайдо из памятника Биби 8 середины XV — второй половины XVII в. Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Моиока 2001: 149]

Хотя палицы для наказаний были без камней, удары наносились с большой силой, так, что человек иногда терял сознание. Для закалки тела и воспитания выносливости айны с детства учились ударять и принимать удар. Тот, кто принимал удар, во избежание травмы покрывал спину кожей. Мастерством считалось бить сильно, но не убивать.

Супружеская измена у айнов каралась штрафом. При неоднократной измене жены законный супруг имел право убить любовника. Иногда же конфликт разрешался поединком. По словам Крашенинникова, курильские айны бились на палках: «...а вызывает на оной прелюбодеец мужа прелюбодейницы: раздеваются оба до нага и разят друг друга по спине. Который вызывает, тот сперва три раза от вызванного должен вытерпеть, а потом берет у него палку и бьет равным образом, и так переменяются до трех раз. Сие побоище много у них веку уносит: ибо бьются они, сколько есть мочи, а палка бывает толщиною в руку, а длиною близко аршина. Нейти на поединок — большое бесчестие. Если же кто предпочтет свое здоровье и отречется от бою, тот должен заплатить мужу прелюбодейцы такое бесчестие, какого он потребует, зверьми, вещами...»²⁰ [Крашенинников 1994, т. 2: 183].

Разновидность палицы, которая использовалась на поединках, показана в работе Арай Хакусэки «Эдзоси». Она имеет граненую ударную часть и длинную рукоять (рис. 18). Согласно пояснительному тексту, такими палицами айны по очереди наносили друг другу удары, а затем примирались [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>].

Рис. 18. Фрагмент дубинки *суту* айнов Хоккайдо для битья друг друга при разрешении конфликтов. «Эдзоси», Арай Хакусэки (1720).

Источник: [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

²⁰ Сведения о поединке С. П. Крашенинников заимствовал из сочинения О. Аргунова «Описание на Первом острове живущих курилов, о их обычаях и поведении» (1741).

В том случае, когда соблазнитель женился на женщине, он также должен был выплатить вознаграждение. Как ни странно, это вознаграждение одновременно становилось свадебным подарком [Арутюнов, Шебеньков 1992: 124].

Тягчайшими преступлениями считались убийство и воровство. С убийцы могли взыскать крупный штраф или заживо закопать в землю, а вору — отрубить несколько пальцев [Спеваковский 1988: 48]. При убийстве близкого человека часто прибегали к личной мести. Как правило, это приводило к затяжной вражде.

Подробно наказание убийц на о-вах Шумшу и Парамушир описал в 1741 г. О. Аргунов. Так, в дом убийцы приходили родственники жертвы «с лутчими мужиками», опускали в юрту веревку с петлей и принуждали совершившего преступление человека наложить на шею петлю, чему тот не противился, ибо всеми был осуждаем. «...и когда наложит петлю на шею, то его тут и задавят или вытаща на юрту заколют или палкою ушибут до смерти тем же образом каким он случаем умертвил». О. Аргунов отмечал, что и в других случаях с убийцами поступали таким же способом, каким он совершил преступление: «А ежели кто кого утопит или нарочно столкнет с утесу, то онаго убойца такую же смертью умерщвляют» [Полевой 1988: 80].

Один из обычаев судебного разбирательства заслуживает внимания, так как он не был отмечен в других регионах. «А много случается и того, ежели родники и лучшие мужики онаго убойца сожалеют, то вместо его из родников само охотно на смерть выходят, только чтоб он равен был летами и удовольствием того убитого, а по смерти весьма того похваляют, что он за родника само охотно смерть принял. И ежели онаго убитого останутся жена или дети, то ему приказывают все, чтоб он либо женился на его жене или б поил и кормил...» [Там же].

Примечательно, что айны строго взыскивали с должников — если человек вовремя не расплачивался, его могли «обобрать до последнего гроша» [Добротворский 1875: 37].

В то же время в судебном разбирательстве айнов исключительно важное значение имели родственные связи. Так, если между жертвой и виновной стороной существовала какая-либо форма родства, пусть даже дальнее родство, писала Э. Онуки-Тирни, наказание для преступника смягчалось, а для кровника вовсе отменялось. На северо-западном побережье Сахалина, например, где разные общины были тесно связаны кровными узами, суровые наказания, даже за тяжкие проступки, исполнялись редко [Онуки-Тирни 1996, № 3: 114].

Формы общения

Неотъемлемая часть межличностных отношений в айновом обществе — сложный этикет поведения. Важную роль в нем играли жест и слово, которые во многом определялись социальным статусом человека, а также полом. Очень хорошо символика жеста проявлялась в приветствии при встрече.

Хотя способы приветствия у айнов были различными, повсеместно получил распространение обычай взаимного поглаживания (рис. 19–21). В Куширо (Хоккайдо) после долгой разлуки мужчины соединяли правые руки и проводили по ним сверху вниз левыми. Затем старший по возрасту обеими руками поглаживал правое колено

Рис. 19. Приветствия айнов Хоккайдо. Хирасава Бёдзан (середина XIX в.).
Собрание Кодама Сакудзаэмон. Источник: [Ainu-no shiki 1999: 66]

Рис. 20. Приветствие айнов Хоккайдо. Хирасава Бёдзан (середина XIX в.).
Газетное издательство «Токати майнити».
Источник: [Ainu-no shiki 1999: 68]

Рис. 21. Приветствие айнов Сахалина. «Китаэдзодзу тибу», Мамия Риндзо,
Мураками Тэйсукэ (1810). Токийский государственный музей

младшего, а младший — правое и левое колена старшего. При этом оба произносили пожелания благополучия. Затем айны вновь сцепляли руки и говорили: «Счастлив, что ничто не помешало вам прийти, рад вас видеть» [Арутюнов, Щебенков 1992: 115].

Другой формой мужского приветствия на Хоккайдо было поглаживание бороды. Айны вытягивали вперед руки, потирали три раза одну ладонь о другую и гладили бороду движением рук сверху вниз. На Сахалине в дополнение к этой церемонии часто выкуривали трубку [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 271. Л. 36, 37; Mimura 2001: 156]. Так, даже после долгого отсутствия, совершая визит в дом к своим знакомым, айн, «не обращая ровно никакого внимания на присутствующих, ни слова не говоря, разоблачается, приводит себя в порядок и затем уже подходит к очагу, усаживается, скрестив ноги против хозяина дома, и говорит ему целый приветственный спич... Хозяин дома немедленно же набивает свою трубочку табаком и подает ее гостю, а хозяйка дома старается принять гостя хлебом солью» [Депрерадович 1877: 21].

Если происходила встреча нескольких лиц, то сначала внимание оказывалось самому старшему и уважаемому человеку.

Некоторые формы приветствия предусматривали использование не только курительных трубок, но и мечей. Сохранились свидетельства о том, что айны в торжественных случаях опоясывались саблями и, завидев почетных гостей, размахивали ими (рис. 22) [Шренк 1899: 257].

Под влиянием инородцев обычай приветствия претерпел некоторые изменения. Согласно М. М. Добротворскому, например, если нормой всегда считалось здороваться сидя (там, где негде сесть, — на корточках), то отклонением от нормы стал способ здороваться (с инородцами) стоя. Он состоял в «однократном потирании рук и глажении ими по бороде» [Добротворский 1875: 87]. Более того, курильские айны уже в начале XIX в. под влиянием русских совершали приветствие следующим образом: две ноги ставили вместе, собирали большой, указательный, средний пальцы и крестились ими, касаясь лба, груди, двух плеч. Затем они делали два раза поклон головой, повторяли всю процедуру трижды, после чего селились на пол [Климов 2012: 81].

Этикет встречи у женщин несколько отличался от мужского. В области Юураппу и Хидака (Хоккайдо), например, айнки указательным пальцем правой руки поглаживали левую руку от пальцев

Рис. 22. Приветствие айнов Хоккайдо с использованием мечей.
 «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

до плеча, а затем проводили пальцем под носом друг у друга [Арутюнов, Щебенков 1992: 116]. Соя-унтаровские женщины потирали руки, поднимали их к лицу и проводили правой рукой по верхней губе [Добротворский 1875: 85].

Наиболее строго разработанным ритуалом были приветствия между двумя старцами, «если хозяин в течение короткого времени терял двух членов семьи или родственников или вовсе не имел родных... Поскольку такие обстоятельства возникали довольно редко, они более походили на театрализованные представления с красноречивым и бурным проявлением эмоций... Целью такого действия было стремление показать окружающим мудрость и тактичность старших» [Онуки-Тирни 1996, № 3: 101].

Особо регламентировалось поведение при встрече мужчин и женщин. Один из его аспектов на северо-западном побережье Северного Сахалина описала Э. Онуки-Тирни: «Так, если женщина видела мужчину, идущего навстречу по той же тропе, она должна была уйти с тропы и сделать большой крюк, чтобы не подходить к нему достаточно близко. Если мужчина был старше, ей нужно было отойти и ждать до тех пор, пока он не пройдет мимо» [Там же].

Важную социальную роль в межобщинных отношениях айнов играли праздники. Именно во время праздников, прежде всего обряда «проводов» медведя, происходило общение между отдельными семьями и между селениями подчас обширного региона. Сопровождались праздники песнями и танцами (рис. 23) [Арутюнов, Щебеньков 1992: 119].

Танцы в айнской культуре были групповыми; их могли исполнять как женщины, так и мужчины. Однако преобладали женские танцы. Танцующие довольно медленно переступали с ноги на ногу, совершали ритмичные движения руками и головой, иногда пели речитативом песни. Исполнялись также праздничные круговые танцы, сопровождавшиеся громкой музыкой, выкриками и воинственными движениями тел, а также танцы подражательные, связанные с промыслами. В последних танцоры имитировали действия охотника, движения животных и птиц (медведя, кита, журавля и др.) [Арутюнов, Щебеньков 1992: 119; Осипова 2008: 62].

По признанию исследователей, фольклор айнов чрезвычайно богат. В нем выделяется ряд песенных жанров. Наиболее сакральный из них назывался на сахалинском диалекте *ойна* (предания), а на

Рис. 23. Традиционный танец айнов Хоккайдо.
Хирасава Бёдзан (середина XIX в.). МАЭ РАН (№ 5794-3)

хоккайдском — *камуй-юкар* (песни богов). Он включал предания, основанные на сказаниях о происхождении божеств, родов и героев. По описаниям, сахалинские айны исполняли предания, лежа на спине с закрытыми глазами и отбивая ритм ударами палочки по телу [Пилсудский 1907б: 25; Тураев 2010: 94]. К отдельному жанру, также ярко выраженного религиозного характера, относились молитвы и поэтические обращения к божествам (айнск. *инонноитак*).

Кроме песен богов и молитв, существовало много других жанров: поучительные истории или старинные предания (айнск. *упаскома/уцяськома*), сказки (айнск. *туита*), повествования о героях и битвах (айнск. *хауки*), любовные песни (айнск. *яйкатекара*), песни развлекательные (айнск. *снотса*), колыбельные (айнск. *ихунки*), лодочные «гласы» или дорожные песни (айнск. *цибо-хау*), истории, предназначенные для того, чтобы скоротать время (айнск. *яйюкара*), комические присловья (айнск. *синот-итак*), загадки (айнск. *урехреку*), торжественные речи (для встреч или проводов гостей), импровизации (айнск. *яйюкар*). Большинство из них относится к разряду «устных преданий» *юкар*. Они велись как от первого лица, так и от лица богов или животных, исполнялись речитативом или в прозаической форме [Акулов 2010: 171; Латышев 2002: 7; Пилсудский 2004: 71; Тураев 2010: 94].

Согласно Б. Пилсудскому, К. Киндайти, Э. Онуки-Тирни и другим авторам, классификация устной традиции отличалась в зависимости от региона. Айны северо-западного побережья Южного Сахалина выделяли четыре основных жанра: *хауки*, *ойна*, *уцяськома* и *туита*. Наиболее значительными считались первые два, «их должны были рассказывать старики, поскольку они повествовали о величайших событиях, описываемых языком духов» [Онуки-Тирни 1996, № 2: 102]. Более того, *хауки* декламировали не только в повседневной жизни, но и когда кто-то серьезно заболел, а также во время эпидемии.

По поводу *хауки* Б. О. Пилсудский писал: «С точки зрения языка, они самые древние и, следовательно, наиболее интересные образцы среди прочих. В битвах, которые заполняют значительную часть содержания песни, активную роль часто выполняют женщины; это доказывает, что мы имеем дело со следами ныне полностью устаревших обычаев» [Пилсудский 2004: 34].

Среди различного рода жанров назывались еще колыбельные, лодочные песни, комические присловья и др. В отличие от *хауки*,

в жизни туземцев они играли второстепенную роль. Так, колыбельные песни — «это по большей части ритмическое бормотание без слов, время от времени с импровизацией, обращенной к ребенку, о его будущем жизненном пути и с просьбами спать крепко», лодочные песни «в случаях, когда они имеют какое-либо определенное содержание вообще, — это короткие вспышки вдохновения под влиянием причин и обстоятельств путешествия», а комические при словья — «краткие стихи, содержащие какую-либо шутку или забавную поговорку с развлекательной целью» [Там же: 35].

Некоторые жанры по содержанию и методу музыкального исполнения делились на женские и мужские. Так, любовные песни женщин назывались *ййкатекара*, а мужские — *ййпунихау*. Считалось, что многие *ййкатекара* были неприличными и их не следовало исполнять в присутствии посторонних. По мнению айнов, эти песни показывали распущенность исполнительницы и могли обесславить все племя [Пилсудский 1907б: 43].

Как отмечалось, в айнском обществе выделялась категория сказителей *юкар-куру*, с помощью которых происходили сохранение и передача богатого фольклорного наследия. В бесписьменной культуре это было ответственной миссией и требовало особого дара. Так, в конце XIX в. Б. О. Пилсудскому приходилось разыскивать знатоков сказок и героических песен, «особый язык которых был знаком немногим и в большинстве случаев тем, кто знал эти песни наизусть» [Там же: 28].

Интересно, что на кончике языка певца или рассказчика, по убеждению айнов, обитал «особый благодетельный дух, сила которого так велика, что когда он его покидает, человек умирает» [Штернберг 1905: 307]. Впрочем, айны полагали, что мудрость и красноречие людей кроются не столько в языке, сколько в его духе.

Культурно-экономические отношения с японцами и русскими

Во внешних отношениях айнов важное значение имела торговля в форме натурального обмена. Для жителей Хоккайдо был жизненно необходим торговый обмен с японцами, для туземцев Сахалина и Курил — с северными народами, а позже с русскими. Этими путями айны получали утварь, инструменты, парадную одежду, материал для ее пошива, рис, сакэ и др.

Что касается контактов с японцами, то до XV–XVI вв. хоккайдские айны свободно пересекали пролив Цугару и торговали на Хонсю. Поворотным событием стал приезд в XV в. на Эдзо Андо Морисуэ с Какидзаки Суэсигэ и другими вассалами. Началось распространение японского влияния на южную часть острова — п-ов Осима. Это был первый шаг к установлению кланом Андо контроля над айнско-японской торговлей и ее монополизации.

Механизм заключения сделок между японцами и айнами (айнск. *уймам*) не до конца ясен. Согласно записям середины XV в., он имел форму обмена подарками. Обмен происходил в апартаментах знатного японца, куда приглашался старшина айнов. После взаимобмена подарками устраивалось застолье.

Тогда айны были еще относительно независимыми, поэтому встречи с японской стороной проходили примерно на равных условиях. Но, судя по всему, такая торговля была все же невыгодна айнам. И это стало одной из главных причин возникновения массового недовольства, а затем и восстаний. Восстания нарастали, но всякий раз жестоко подавлялись.

Постепенно под влиянием японцев в социально-экономическом устройстве айнского общества стали происходить важные изменения. Чтобы проследить этот процесс, необходимо показать некоторые особенности японской системы управления островом.

Вплоть до середины XVI в. ситуация в японских владениях на южной оконечности Эдзо была нестабильной. Айнские дружины представляли собой серьезную силу, которую удавалось сдерживать с большим трудом. Постоянная угроза нападения требовала мобилизации значительных людских ресурсов и финансовых расходов. В конце концов в 1550 г. четвертый внук Такэда Нобухиро Какидзаки Суэхиро (1507–1595) начал политику умиротворения. Он раздал восточным и западным айнам ценные подарки, заключил с ними мир и взял с них клятву верности²¹.

Предусмотрительные меры Какидзаки Суэхиро включали введение в айнских селениях должности старейшины (айнск. *отона*).

---

²¹ Такэда Нобухиро (1431–1494) — самурай из Вакаса, прибывший в середине XV в. в земли Эдзо и обосновавшийся в крепости Кацуяма (область Каминокуни). Женившись на приемной дочери Какидзаки Суэсигэ, Такэда Нобухиро взял фамилию Какидзаки. С этого времени потомки Нобухиро в исторических записях стали упоминаться под этой фамилией.

Влиятельного вождя Хаситаина из Сэтанай поместили в Каминокуни и назначили главой западных айнов, а Цукомотаина из Сиринаи — главой восточных айнов. Они оба должны были ежегодно посещать замок и подносить князю дары в знак признания над собой его власти. Японская сторона, в свою очередь, выплачивала им жалование. В качестве жалования Хаситаин, Цукомотаин и другие старейшины, подчинявшиеся японцам, получали часть сбора от таможенной пошлины с торговых судов, заходивших в местные гавани. «Оплата труда» (содержание рисом) на посту государственной службы стала известна под названием «эдзосское жалование» (яп. *эдзояку*, *ияку*).

Во внутреннем устройстве Японии тогда происходили важные изменения — усиливались попытки осуществить централизацию страны. На этом фоне в 1593 г. сын Суэхиро Какидзакэ Ёсихиро (1548–1616) получил от военного правителя Японии Тоётоми Хидэёси (1537–1598) чин «глава острова Эдзо» (яп. *сима-но камидэ*), а в 1604 г. заручился поддержкой и подтвердил свои полномочия у нового предводителя Токугава Иэясу.

Токугава Иэясу выдал правителю п-ова Осима документ, по которому японские купеческие суда не имели права причаливать здесь и торговать с айнами без разрешения князя. Более того, глава Мацумаэ (так стало называться княжество) запретил ездить к айнам своим подданным²² [Kikuchi 1999: 74]. Препятствуя любым контактам японцев с айнами, Ёсихиро развивал «призамковую» торговлю, стремясь превратить Мацумаэ в единый район, в котором с судов взимался бы торговый налог.

С Хонсю в Мацумаэ каждый год приходило около 300 кораблей, нагруженных рисом и сакэ. Айны стали приезжать сюда с семьями и привозить товары для обмена. Они сооружали на побережье небольшие хижины для временного проживания. Судя по сообщениям европейских миссионеров, посещавших Мацумаэ около 1618 г., айны с востока, из р-на Мэнаси, привозили сушеную кету, треску, сельдь, красную морскую капусту, рыбий и китовый жир, орлиные перья, журавлей, олени, медвежьи и бобровые шкуры²³. Айны западных районов, из Тэсио, доставляли аналогичный

²² Границы княжества охранялись сторожевыми постами, которые находились в пунктах Камэда и Кумаиси.

²³ Шкуры морских бобров айны добывали на Урупэ.

товар, однако вместо шкур морских бобров поставляли китайские шелка. Шкуры морских бобров, шелка высокого качества, а также соколы и журавли были товаром монопольной торговли главы клана²⁴. Отчасти айны преподносили его в виде дани [Ibid.].

Следует отметить, что жители Мацумаэ большей частью не занимались возделыванием риса, весьма затрудненным здесь по климатическим условиям, предпочитая рыболовство. А рыболовы, оказавшись на положении крестьян, выплачивали налоги сельдью, морской капустой и другими морскими продуктами. Лишь в 1753 г. натуральный налог был отменен [Арутюнов, Шебеньков 1999: 69; Kikuchi 1999: 80].

Рыболовство, а также лесозаготовки на Эдзо способствовали развитию внутреннего и внешнего рынков Японии. Это привело к росту предпринимательства и индустриализации северных земель. Более того, при седьмом внуке Такэда Нобухиро — Мацумаэ Кимиhiro (1598–1641) — в восточной части владений князя был найден золотой песок.

Возможность добывать золото сулила князю Мацумаэ большую выгоду, поэтому по его указу в разных районах острова стали строиться шахты. К 1628 г. шахты появились даже в отдаленных областях — Хидака и Токати. И снова деятельность Мацумаэ осложнила жизнь айнов. Промывка золотого песка велась в реках с нерестилищами лососевых. Кроме того, работники с Хонсю, которые трудились на приисках, всячески притесняли местное население [Лим 2010: 172].

Надо полагать, княжество Мацумаэ старалось не разглашать сведения о развернувшейся в нем добыче золота. По крайней мере в XVIII в. Хаяси Сихэй в своем труде «Сангоку цу:ран дзусэцу» писал: «В землях Эдзо чрезвычайно много золотых рудников. Однако жители не знают, как их копать, поэтому они впустую стоят неработающими. Также там много серебряных, медных рудников, а также мест, где выступает на поверхность золотоносный песок, таких как Куннуи, Умбэцу, Юбари, Сикоцу, Хаборо и т.д. Этот золотоносный песок находится не в расщелинах внутри речных вод, а тянется на 10–20 ри по поверхности земли. В Хаборо золотоносный песок выбрасывается на берег со дна моря, и, говорят, после

---

²⁴ Шелка использовались для пошива одежды бонз и знатных особ, а шкуры бобров — для изготовления седел.

сильных бурь от северо-западного ветра 40 ри морского побережья приобретают золотой цвет. И все это золото и серебро никто не берет, оно остается лежать без надобности» [Щепкин 2011: 141]. Данная информация может говорить о том, что владельцам Мацумаэ какое-то время удавалось скрывать развитие столь прибыльной отрасли.

Поселенцы и аборигены все больше селились чересполосно, на одной территории, и постепенно смешивались. Ныне среди остатков японских владений, располагавшихся вдоль побережья Хоккайдо, от Киконай и до Хакодатэ, археологи часто обнаруживают следы айнских жилищ [Matsuzaki 2001: 49].

Известно, что в XVII–XVIII вв. айны проживали собственно в Мацумаэ. Итальянский миссионер Джироламо де Анджелис (1568–1623), посещавший Мацумаэ в 1618 и 1621 гг., среди айнов выделял «местных» и «приезжих» [Ibid.]. Кроме этого, по результатам исследований, проводившихся кланом Хиросаки в 1669 г., на землях к западу от Мацумаэ айны жили в пунктах Каминокуни, Тадзава, Отохэ (Отобэ), Комоути, Аинуманай, Кэннэти (Кэннити), Кумаиси, Сэкинай, а к востоку — в Сириути, Тиконай (Киконай), Мохэцу (Мохэди), Сасукари (Сацукари), Иппонги, Хэкирэти (Хэкирити), Сиодомари, Ятимаки. К середине XVII в. эти земли были включены в сферу японских владений [Kikuchi 1999: 83].

Статистические данные показывают, что в 1716 г. в западной области (к западу от Мацумаэ) проживали 80 айнов, а в восточной (к востоку от Мацумаэ) — 72 айна. К 1787 г. на западе остались семь человек, на востоке — пять. Айны в этих районах оказались на грани исчезновения [Ibid.]. О резком сокращении населения свидетельствует «Эдзоданхикки» (1710), в частности, в документе сообщается, что туземцы не терпели совместного проживания с японцами и переселялись в другие места, оставшиеся же вымирали от оспы.

Несмотря на размежевание айнских и японских хозяйств, продолжалась ассимиляция туземцев. Согласно записям Могами Токунай «Эдзосо:си» (1786), ассимиляции способствовали, с одной стороны, целенаправленные меры местных властей, с другой — совместная рыбопромысловая деятельность айнов с японскими рыбаками [Ibid.: 84].

Во второй половине XVII в. японцы продолжали активно осваивать новые территории и продвигаться вглубь айнских владений. Так, уже в 1679 г. клану Мацумаэ удалось достичь южной части

Сахалина и основать там селение Одомари. Айны с Эдзо, в свою очередь, нередко посещали северо-восточную область Хонсю. По словам Хаусакэ, главы айнов района Исикари (вторая половина XVII в.), их предки ездили торговать в пункт Такаока — призамковый город клана Цугару. Известно, что в ряде мест областей Цугару и Симокита айны (коренные жители Тохоку) и японцы проживали вместе [Ibid.: 78].

Согласно «Митинокуни цугаругун-но эдзу» (1645) и «Цугару итто:си» (1731), в XVII в. на северной оконечности полуострова Цугару находилось 15 айнских селений (42 дома). Они назывались Ута, Хокосаки, Госёдзука, Цунауси (Амифути), Окотараэ, Сунагамори, Хороцуки, Сёхаку, Санмяку, Мацудзаки, Бикутиёма, Фудзисаки, Каманосава, Утэцу и Тацухи [Ibid.: 84]. Интересную информацию содержит более поздний источник — «Сотогахамата дзутахи» (1788); автор Сугаэ Масуми сообщает о следах айнских жилищ в районе Урасимахаяси и отмечает, что жители местности Камиутэцу, проживавшие на побережье, — потомки айнов. По слухам, писал путешественник, лишь с недавнего времени они стали брить усы, стричь головы, а женщины перестали делать татуировки, и теперь их совершенно нельзя отличить от японцев [Otsuka 1993: 114].

По известным данным, айны Цугару активно занимались морскими промыслами, в том числе добычей акул. Сбыт акульего жира японцам был выгоден. Кроме того, аборигены поставляли клану Цугару жемчуг, морские ушки, морскую капусту, морских котиков, морских птиц, медвежьей шкуры, а взамен получали рис и другие товары.

Помимо занятий, соответствовавших традиционному хозяйственному укладу, которые включали подсечно-огневое земледелие на горных плато, у айнов была и другая работа. Например, они управляли небольшими судами *сё:кайсэн*, на которых японцы переправлялись по морю либо перевозили товары. Кроме того, во время восстания Сякусяина туземцы привлекались кланом в качестве послов или переводчиков с айнского языка [Kikuchi 1999: 83].

В XVIII в. японцы все больше стали использовать айнов как наемную рабочую силу, главным образом в качестве матросов и горных рабочих. Это вело к усилению ассимиляции. В середине XVIII в. японизации айнов активно способствовал и один из служащих клана Цугару — Ниюи Мицуги, занимавшийся различными преобразованиями. По его инициативе айнов заставляли делать японские

прически *сакаяки*, менять обычаи. Более 50 человек из Мацудзаки, Рокудзёнома, Фудзисима, Каманосава, Камиутэцу и Симоутэцу отказались подчиняться нововведениям и бежали в горы [Ibid.: 85]. В 1806 г. мероприятия по ассимиляции были проведены повторно.

Об айнах Симокита, к сожалению, подробная информация отсутствует. В записях клана Намбу (Мориока) «Дзассё», составленных одним из посадников Танабу (г. Муцу), упоминается, что в 1644 г. владения клана посещали айны из местности Утиура, привозившие сельдь и сушеную кету для меновой торговли, а также айны из Мэнаси. Последние преподнесли князю журавля. Сохранились сведения о предводителях айнов: один — Аситака из деревни Икокума, другой — Хаппира из деревни Вакиносава. Они руководили родственными семьями и получали от клана Мориока выплату *эдзояку*. В 1665 г. айны из этих селений даровали князю медвежьи шкуры, а взамен получили рис, мечи и темно-красные хлопчатобумажные ткани.

В области Симокита были и такие айны, которые приезжали с Эдзо лишь на промыслы. Об этом свидетельствуют археологические находки хоккайдских гарпунов, датирующихся XIV–XVII вв. [Ibid.: 86]. Иногда некоторых рыбаков случайно прибивало к берегу, о чем, в частности, упоминается в «Гэнсимампицуфу:донэнпё:» (1820) [Otsuka 1993: 115].

Так или иначе, несмотря на то что в северо-восточных землях Хонсю айны активно контактировали с японцами и вели с ними торговлю, наибольшую выгоду от такой торговли все же получал клан Мацумаэ. Чтобы окончательно монополизировать торговые отношения с айнами в пределах Эдзо, глава Мацумаэ предпринял ряд мер. Например, по его указу была упразднена призамковая торговля. Теперь суда главы клана и его вассалов отправлялись на земли айнов и торговали там в специально отведенных местах (яп. *акинауба*).

Некоторые места *акинауба*, учрежденные на Эдзо, были собственностью князя, а некоторые предоставлялись вассалам в качестве *тигё*. В средневековой Японии под *тигё*: понималась территория, с которой можно было взимать земельный налог. Но в Мацумаэ основа земледельческого воспроизводства отсутствовала, поэтому вассалам в качестве *тигё*: даровалось право торговли с туземцами. Эта система получила наименование *акинауба-тигё:сэй*. Для айнов она оказалась еще более невыгодной, чем система призамковой тор-

говли, поскольку обмен товарами был неэквивалентным и его условия теперь диктовала сторона Мацумаэ.

В Мацумаэ крайне опасались огласки внутреннего положения дел — существовала реальная опасность потери территорий в результате их перераспределения. Однако еще третий сёгун из династии Токугава — Токугава Иэмицу (1603—1651) — посылал на Эдзо инспекторов, встречавшихся с айнами, а клан Цугару неоднократно направлял в княжество агентов, которые сообщали о системе *акинаибатигё:сэй* и бедственном положении туземцев [Kikuchi 1999: 75, 90]. Несмотря на это, никаких серьезных мер по урегулированию торговли и улучшению жизни местного населения бакуфу не предпринимало. Постоянные же притеснения айнов служащими Мацумаэ в конце концов привели к одному из самых крупных восстаний за всю историю айнского народа — под предводительством Сякусяина (вторая половина XVII в.). Это восстание удалось подавить с большим трудом.

После подавления восстания, которое подробно описывается в другой главе, многих его участников казнили. Остальных обязали выплатить *цукунай* (возмещение убытков) и дать клятвенное обещание безоговорочно подчиняться. Хотя некоторые айны отказались от выплаты *цукунай*, в целом ситуация стабилизировалась. Мацумаэский клан при этом еще больше усилил свое влияние на туземцев, и территория Эдзо постепенно стала переходить в его единоличную собственность [Ibid.: 95].

Столь возросшая зависимость от Мацумаэ привела не только к экономической и культурной отсталости айнов, но и к утрате реальной значимости института старейшин. Старейшины оказались в подчинении у японских чиновников, и их авторитет значительно снизился [Левин, Дубровина 1969: л. 50].

В начале XVIII в. подрядовая система *акинаибатигё:сэй* начала приходить в упадок, на смену ей пришла новая форма торговой деятельности — «система подряда торговых мест *басё*» (яп. *басёукэюйсэй*). В соответствии с новыми правилами места *басё* начали передаваться в распоряжение торговцев с Хонсю. Эти торговцы заранее подавали заявку на подряд и заключали договор с владельцем участка — вассалом князя. Большую часть прибыли вассал получал за транспортировку товара, к которому относились икра, акулий жир, сушеная треска, кета, терпуги, скаты и пр. В договоре специально оговаривалась та продукция, денежные сборы за которую шли главе клана [Позднеев 1909, т. 2: 133; Kikuchi 1999: 95].

Система *басёукэюйсэй* давала право подрядчикам не только на торговлю с айнами, но и на рыбный промысел. Уже в конце XVII в. подрядчики в местностях Исикари и Сирифуса занялись ловлей кеты. Они применяли большие сети, каких у айнов не было, что сильно вредило промысловой деятельности аборигенов. Однако о благосостоянии айнов никто не заботился. Выше всего предприниматели ставили личное обогащение [Kikuchi 1999: 112].

На местах все было организовано следующим образом: в айнских селениях строились специальные административные здания — торговые конторы (яп. *ундзё:я*), в которых размещались торговцы и надсмотрщики (яп. *сихаи-нин*), и сторожевые посты (яп. *банъя*), где находились служащие ниже рангом (яп. *бан-нин*). Они вели наблюдения за жизнью айнов на данном участке, понуждали их работать, а сами находились под контролем откупщика. Откупщики нанимали контролеров, переводчиков, сторожей и других необходимых служащих, которым поручали вести торговлю с айнами, заниматься рыболовством, а также учетом получаемого товара и его охраной [Арутюнов, Щебеньков 1992: 70; Позднеев 1909, т. 2: 133].

В сложившейся ситуации айнам приходилось тяжело. Их не только жестоко эксплуатировали, но и грубо нарушали их жизненный уклад, например, разрешая ловить рыбу лишь там, где было выгодно владельцу *басё*. Во время рунного хода айнский старейшина был обязан собирать на японский промысел по 30–50 сородичей [Арутюнов, Щебеньков 1992: 73, 78].

Хотя правители Мацумаэ, стремясь утаить сведения о природных богатствах острова, проводили ограниченную переселенческую политику, население княжества в середине XVII — конце XVIII в. постоянно возрастало. Это происходило за счет торговцев-предпринимателей и приезжих рабочих.

Торговцы делились на сезонных, которые посещали Мацумаэ лишь на время, и тех, кто оставался на длительный срок. Последние открывали свои лавки, обзаводились хозяйством. Наибольшее влияние приобрели представители столичных городов Эдо и Осака, имевшие свои купеческие торговые гильдии²⁵. Рабочим же не давали права на постоянное жительство [Там же: 70].

---

²⁵ Известностью пользовались выходцы из Вакаса, Цуруга и Оми. К середине XIX в. многие крупные предприниматели и самураи попали в финансовую зависимость от них [Арутюнов, Щебеньков 1992: 71].

Сезонные рабочие приезжали на Хоккайдо из Цугару, Акита, Санрику Мияко и других районов Японии. Они рубили лес, добывали золото, ловили рыбу. Особенно рабочая сила была востребована на лесозаготовках, поскольку айны этим трудом занимались мало [Kikuchi 1999: 132; Otsuka 1993: 117]. В целом система подряда на Эдзо получила название «заработки в Мацумаэ» (яп. *мацумаэ касэги*).

Лесоматериал с Эдзо отправлялся преимущественно в Эдо, а морская капуста — в Нагасаки как товар, имеющий важное значение для внешней торговли с европейскими странами [Kikuchi 1999: 117]. В то же время во второй половине XVIII в. Эдзо стал обширным рынком сбыта. В большом количестве сюда привозили соль, рис, сою, сакэ, табак, красную фасоль, хлопчатобумажные ткани, плетеные, керамические и железные изделия, не производившиеся в Мацумаэ²⁶ [Ibid.: 183].

Инспектор бакуфу Фурукава Косёкэн, посетивший Мацумаэ в 1788 г., сообщает, что был поражен оживлением в трех портах — Мацумаэ, Эсаси и Хакодатэ, которые получили наименование *саминато* (рис. 24). Если судить по слухам, писал Косёкэн, Мацумаэ представляет собой местность чрезвычайно захолустную. Оказалось же, что в порт заходит множество судов из разных концов страны, в районе побережья выстроены глинобитные амбары, в городе имеются магазины тканей для одежды, питейные заведения, галантерейные лавки и пр. Недостатка в товарах совсем не наблюдается...

На фоне такого благополучия айны, как уже отмечалось, пребывали в самом бедственном положении. Помимо экономического гнета и злоупотреблений чиновников Мацумаэ, они не меньше страдали от произвола сезонных рабочих, которые не соблюдали местных обычаев, пренебрегали договорными обязательствами, похищали женщин. Все это вызывало массовое недовольство и привело к очередному восстанию, которое произошло в 1789 г. В восстании приняли участие 200 человек с Кунашира и области Мэнаси.

---

²⁶ Большинство товаров японцы поставляли из Акита, Цугару, Намбу и Этиго. Соль ввозилась также из Харима, Такэхара и Сэтоуги, рис — из Сэндай, Саката, Сиракава и Сибата, сакэ — из Осака и Ояма, циновки — из Куцуми и Вакаса, веревки — из Саката, пеньковые рыболовецкие сети — из Этиго.

Рис. 24. Хакодате. «Эдосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800).
Университет Хоккайдо

Мацумаэ Митихиро (1754–1832), тринадцатый потомок Такэда Нобухиро, направил на место происшествия карательный отряд. С помощью лояльных айнов ему удалось уговорить восставших сдаться, после чего многие из них были казнены.

Отдельно, независимо от покорения японцами айнов Хоккайдо, происходило продвижение русских казаков с севера на юг по Курильской гряде. Оно также было далеко не всегда бесконфликтным — как при первых контактах казаков с аборигенами островов, лежавших к югу от Камчатки, так и позже, при освоении территорий «за переливами». Известны, например, злоупотребления и жестокое обращение с айнами на Средних и Южных Курилах казачьего сотника И. Черного, который в 1766 г. вторгся на территорию айнских промысловых угодий и получил вооруженный отпор. Аналогичный инцидент произошел в 1770 г. [Таксами, Косарев 1990: 53]. Однако такие конфликты происходили нечасто. Хаяси Сихэй в «Сангоку цу:ран дзусэцу», в частности, писал: «Русские при своих контактах с айнами не используют оружия, не проявляют зверства,

а поскольку Эдзо — страна холодная, они кормят их черным перцем, помогая преодолеть холод, дают им одежду на вате, оберегающую от холодного воздуха, а также кормят их сладким сахаром, поят крепким сакэ, тем самым ублажая аппетиты айнов, грохочут пушками, демонстрируя свое величие. Таким образом, они применяют искусство приручения варваров к себе военными и словесными средствами» [Щепкин 2011: 36].

После образования в 1799 г. Российско-Американской компании несколько русских поселений возникло на Шумшу, Симушире и Урупте. Русские промышленники задействовали здесь в качестве рабочей силы местных айнов, а также алеутов, которых специально переселили на эти острова.

Айны, состоявшие на службе у русских, освобождались от налогов и других повинностей. По уставу компании, ими управляли собственные старшины, которые, в свою очередь, находились под надзором «лучших служителей» [Левин, Дубровина 1969: л. 26; Позднеев 1909, т. 1: 220]. Наряду с промысловыми работами туземцы могли вести самостоятельное хозяйство. Многие из них под влиянием русских приобщились к земледелию и скотоводству [Левин, Дубровина 1969: л. 26].

Тем временем айны Эдзо оказались под полным японским влиянием. Вплоть до конца XVIII в. полновластным хозяином здесь был клан Мацумаэ, но в 1799 г. восточные земли острова взяло под контроль правительство бакуфу²⁷. Оно учредило губернаторство «Эдзо-бугё» (1802), куда в 1807 г. включило и западные земли. Глава Мацумаэ потерял свои земельные угодья, получив в порядке компенсации ленное владение на Хонсю. Права на торговлю с айнами его вассалов были аннулированы [Kikuchi 1999: 139].

Стремясь обезопасить северные границы от проникновения в Японию русских и даже передвинуть их на север, бакуфу с 1799 г. стало усиливать влияние на Итурупе. Туда были направлены служащие, чтобы наладить регулярное морское сообщение с Хакодатэ, и чиновники, которым было велено расположить к себе айнов и осуществить их ассимиляцию. Как и на Хоккайдо, туземцев начали обучать японскому языку, давать им японские фамилии, одевать и стричь по-японски [Стефан 1990: 61].

---

²⁷ Лишь с этого времени и остров, и княжество Мацумаэ вошло в состав японского государства.

При реорганизации *басё* была проведена смена старых подрядчиков и служащих, однако сама система принципиально не изменилась. Напротив, предприимчивые охотники за выгодой стали вмешиваться во внутренние дела айнских общин. На Итурупе, например, для более продуктивного рыбного промысла некоторые поселения подверглись всевозможным реорганизациям. Это также способствовало разрушению традиционной структуры айнского общества. Одним из нововведений стало то, что через *ундзё:я* получили распространение ежегодные раздачи подарков (яп. *кудасарэмоно*). Подарки выдавались в начале года во время некоторых японских праздников (в честь божеств Канон, Хатиман и др.), по случаю брака, рождения ребенка и других важных событий²⁸ [Kikuchi 1999: 143].

Значительную роль в жизни айнов стал играть ритуал получения подарков, называвшийся *омуся*. Предполагается, что слово *омуся* произошло от *умуса* — айнского приветствия [Омская 2008: 48]. Ритуал устраивался по окончании сезонных работ в одном из зданий фактории. Здание украшалось ружьями и доспехами, чиновники принимали усиленные меры предосторожности. Когда собиралось должное число айнов, чиновник зачитывал им пункты указа о необходимости соблюдать законы и надлежащим образом исполнять обязанности. Переводчики передавали это айнам, после чего те давали присягу верности. Затем происходило собственно вручение даров.

Айны получали подарки в соответствии со своим служебным положением. Старейшинам также выдавалось жалование. В конце в знак подкрепления соглашения все выпивали саке, в специально отведенном месте получали угощение, и праздник заканчивался. Стоит заметить, что если на ранней стадии торговли айнов и японцев двусторонние встречи проводились на равных условиях, то теперь — уже на условиях господ и слуг. По сути, церемониал свелся к выдаче жалованья и возобновлению присяги [Kikuchi 1999: 143].

---

²⁸ На Итурупе в 1820-е годы среди подарков были такие «яства», как суп с рисовыми лепешками (яп. *дзо:нимоти*), рис, сваренный с красными бобами (яп. *сэкихан*), рисовые лепешки (яп. *моти*), солод, водка (яп. *сэйсю*), неочищенное саке (яп. *дакусю*), табак, а также хлопчатобумажные ткани, старая и новая одежда, полотенца, пояса, принадлежности для бритья, масло для причесок (яп. *бинцукэбура*), небольшие ножи, лакированная утварь, мелкие деньги. Первостепенное значение в этом перечне занимали саке и табак [Kikuchi 1999: 143].

Обряд *омуса* наглядно изображали некоторые японские художники на картинах айну-э. Хороший пример — работы середины XIX в. Хирасава Бедзан (рис. 25). На одной из них — «Уймаму» — айнские старейшины приветствуют князя Мацумаэ, приседая и держась за руки. Считается, что такая форма приветствия, не свойственная айнам, была введена японцами [Огихара 2008: 34].

Бакуфу извлекало большие доходы, управляя северными землями, но велики были и расходы, включая издержки на содержание

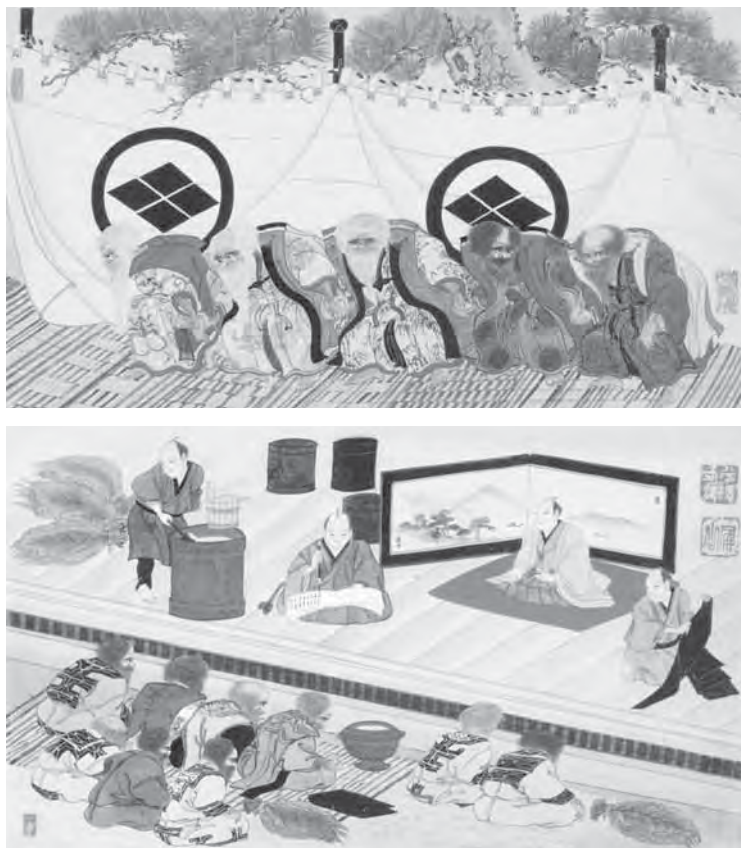

Рис. 25. Обряды айнов Хоккайдо *уймаму* (вверху) и *омуса* (внизу).

Хирасава Бэдзан (вторая половина XIX в.).

Омский областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля.

Источник: [Омская сенсация 2008: 39, 55]

служащих, различные мелкие нужды и пособия клану Мацумаэ. Эти траты, видимо, возрастали. Счетоводы ежегодно указывали на нестабильность сумм получаемых денег и недостаточность прибыли. В силу этих обстоятельств к началу XIX в. назрела необходимость ликвидировать прямое управление [Kikuchi 1999: 140].

Отказ бакуфу от прямого управления привел к тому, что в 1821 г. главе Мацумаэ были возвращены земельные права, а «попечительство» над туземцами приостановлено. Однако в 1855 г. все вернулось на круги своя. Клан Мацумаэ навсегда лишился прежних владений, а с ними и неиссякаемого источника обогащения [Арутюнов, Щебенков 1992: 80].

В период *бакумацу* (1853–1867) — последние годы сёгуната Токугава и закат бакуфу — на Эдзо окончательно утвердилась подрядовая система, и айнское население стало стремительно сокращаться. Процесс разрушения традиционного общества айнов на примере области Исикари наглядно показал Мацуура Такэсиро: тех, кто был в состоянии работать, стогняли в *ундзё:я* и селили в специальных жилищах для наемных рабочих; при этом айны гибли один за другим от непомерно тяжелых работ и болезней. Такое положение было характерно не только для этой местности. Туземцев нещадно эксплуатировали повсюду, включая Сахалин.

В 1850–1860-е годы бакуфу уже не могло оказать существенного влияния на сложившуюся ситуацию и каким-либо образом предотвратить вымирание айнов. После революции Мэйдзи под лозунгом «попечения айнов» на Эдзо, переименованным в Хоккайдо, утвердилась новая чиновничья система.

В связи с торговыми отношениями айнов и японцев следует отметить, что в XVIII–XIX вв. один крупный центр их товарообмена существовал в селении Соя (совр. г. Вакканай), на самой северной оконечности Хоккайдо, а другой — в Сирануси, на юго-западном окончании Сахалина. Оба пункта ежегодно посещали сахалинские айны, а также нивхи с севера острова. Японцы получали от них перья орлов и соколов (для оперения стрел), шелковые китайские ткани, а взамен предлагали рис, сакэ, табак, иглы, котлы, лакированную посуду и солод²⁹.

---

²⁹ Японские вещи распространялись на значительные расстояния. Например, стальные иглы через курильских айнов получали камчадалы [Шренк 1899: 91].

Кроме того, и на восточном, и на западном берегу Сахалина происходил торговый обмен айнов с нивхами. Японцы, по данным Л. И. Шренка, смотрели на эту торговлю неблагосклонно, потому что айны старались скрыть от них свои запасы шкур и сбыть их на более выгодных условиях северным соседям. На обмен шли маньчжурские и японские изделия, одежда из растительной ткани и рыбьей кожи, жир морских животных, луки [Сасаки 1992: 122; Шренк 1899: 295, 296; Moes 1985: 176].

Как важный центр айноско-нивхского товарообмена известно селение Найоро, расположенное севернее Кусуная. Существовали и другие, менее известные места [Сасаки 1992: 126]. Ф. Ф. Зибольд так описывал торговлю на западном побережье острова: «Они (выходцы с Амура) привозят свои товары на небольших судах, кладут на берег и удаляются; айносы (айны) рассматривают товары, выбирают что понравилось, берут и заменяют собственными своими произведениями; таким образом совершается обмен, основанный на беспримерной честности и на взаимном доверии» [Зибольд 1854: 255].

Между тем, со слов японского путешественника и исследователя северных территорий Мамия Риндзо, иногда случались распри: «...жители Хакусимы (айны) очень невежественны. Они много берут в долг, смутно представляя себе цену, которую так или иначе им придется уплатить. Случается, что, не имея возможности рассчитаться с сантанами за взятые в долг товары, туземец прячется в горах, дожидаясь, когда сантаны уедут домой. Но на следующий год сантаны приезжают снова, без труда находят должника и требуют расплатиться. Если должник не в состоянии сделать это, сантаны забирают в качестве заложника его брата» [Описание 1990: 113].

Интересно, что нивхи активно торговали не только с японцами и айнами, но и с китайцами, а также со всеми народами Амуро-Сахалинского региона, подконтрольными маньчжурской династии³⁰ [Шренк 1899: 276].

---

³⁰ В отношении тунгусоязычных народов циньской династией Китая были установлены особые правила — туземцы распределялись по родам и селениям, в каждом селении назначался старшина *гасян-да*. Каждый год *гасян-да* собирали дань мехами, привозили их в заранее указанный город и там получали подарки от чиновников. Эти дары, в свою очередь, *гасян-да* распространяли среди соотечественников.

На материке известен как крупный торговый город Сань-син (по-маньчжурски Илань-хала) на р. Сунгари. После него временный пункт торговли был открыт в селении Кизи (в настоящее время — Ульчский р-н Хабаровского края). Отсюда товары из Маньчжурии, Китая и Японии попадали в низовья Амура и на Сахалин. По данным на начало XIX в., среди китайских товаров, пользовавшихся спросом у народов низовьев Амура, были керамическая посуда, шелковые и хлопчатобумажные ткани, одежда, курительные трубки, веера, украшения: серебряные серьги, кольца, браслеты, бусы, медные и латунные фигурки для женских платьев, монеты [Сасаки 1992: 125]. Многие из перечисленного доставалось айнам.

Со второй половины XVIII в., когда у берегов Курильских островов, Сахалина и даже Эдзо появились русские суда, торговая деятельность японцев с аборигенами Сахалина стала резко сокращаться. Главной задачей японцев теперь стало укрепление своих северных позиций и оттеснение русских на север. В связи с этим в 1789 г. японский экспедиционный отряд уничтожил все свидетельства пребывания русских на Итурупе и установил столб с надписью, гласившей, что данная земля является исконной территорией Японии [Таксами, Косарев 1990: 50].

В 1855 г. в японском городе Симода при посредстве вице-адмирала Е. В. Путятина был подписан первый русско-японский договор, по которому к Японии отошла южная часть Курильских островов, а Сахалин получил статус «неразделенной» территории.

Примерно в это время сахалинские айны залива Анива и некоторых других мест, испытывая сильную нужду и не встречая поддержки российских властей, переселились на Хоккайдо. Но там они оказались в условиях еще более худших. Называются «дороговизна и трудность добыть достаточное количество рыбы, отсутствие в питании жиров (нерпы и сивуча кругом Хоккайдо нет), болезни, в 1886 г. холера, затем оспа», кроме этого, сахалинцы испытывали тоску по родине и покинутых родных [Пилсудский 1907а: 133]. По документам, в 1887 г. состоялось первое возвращение беженцев на родину, которое «затем продолжалось почти каждый год» [Там же].

Между тем центральная и северная часть Курильской гряды (от Урупа до Шумшу), оставшаяся под юрисдикцией России и заселенная айнами и алеутами, контролировалась Курильским отделом Российско-Американской компании и управлялась из столицы

Русской Америки — Ново-Архангельска. После продажи Аляски Соединенным Штатам в 1867 г. и ликвидации Российско-Американской компании все российские служащие Курил (русские и креолы) уехали на Камчатку и в Россию. Территория российской части Курильской гряды формально отошла под административное управление губернатора Приморской области [Шубин 1992б: 4].

Покидая острова, служащие вывезли с собой не только всю пушнину, но и припасы, включая продовольствие. Вследствие этого оставшиеся туземцы оказались в крайне тяжелом положении. Кроме этого, на оставленных территориях развернул незаконную промысловую деятельность Американский торговый дом, деяния которого, как и многих других «джентльменов удачи» Нового Света, мало чем отличались от пиратских. В обращении к губернатору Приморской области купец А. Ф. Филиппеус, владевший оставшимся на Курилах имуществом, просил «не бросать на произвол судьбы население архипелага, уберечь его от окончательного спаивания и разграбления, защитить права и интересы русских подданных» [Там же: 6]. Никаких серьезных мер, тем не менее, принято не было.

Торговля с зарубежными, так же как и с некоторыми русскими, купцами была очень невыгодна для айнов: пушнина принималась по низким расценкам, а предметы первой необходимости, напротив, продавались втридорога. Отрицательным было и то, что, «привыкнув покупать в готовом виде обувь, одежду и почти все нужное в их быту, (туземцы) разучились это делать сами» [Там же: 12].

Тем временем о-ва Кунашир и Итуруп в 1855 г. по распоряжению бакуфу отошли клану Сэндай. Там были размещены военные гарнизоны, которые сохранялись вплоть до крушения сёгуната. В 1869 г. острова заняли сторонники императора, и в 1871 г. японские Курилы отошли под эгиду Хоккайдского управления по делам колоний («Хоккайдо-кайтакуси») [Стефан 1990: 80].

В 1875 г. в Петербурге был подписан новый договор с Японией. В соответствии с ним России отошел весь Сахалин, а Японии — все Курилы. Айны получили право в течение трех лет добровольно выбрать подданство [Аругонов, Щебенков 1992: 83; Позднеев 1909, т. 1: 220].

Осенью 1875 г. жителей Шумшу, Симушира и Урупа (алеутов и айнов) ознакомили с содержанием договора. Почти все они изъявили желание остаться русскими подданными и соответственно вы-

ехать на русскую территорию. Частично это было осуществлено в 1877 г. — 83 человека переселились на Камчатку³¹ [Шубин 1992в: 19]. Но здесь их положение не улучшилось. Туземцы были не в состоянии обеспечивать себя необходимыми продуктами, а промысловые занятия не приносили доходов. Как и в прежние времена, процветала их безжалостная эксплуатация торговцами-монополистами [Там же: 45, 49].

Важно, что к тому времени айны, некогда населявшие южные земли Камчатки, уже не существовали как этнос. Отчасти они еще в начале XVIII в. под натиском русских перебрались на Курильские острова, отчасти вымерли от эпидемий, а почти все выжившие были ассимилированы. По С. П. Крашенинникову, некоторые айнские семьи в 1737 г. еще оставались на Лопатке, но и они в конечном счете сошли с исторической арены [Крашенинников 1994, т. 1: 115, 120]. Таким образом, когда в 1877 г. русские привезли с Курил на Камчатку группу айнов, их соплеменников там уже не было.

В 1888 г. 26 алеутов переселили с Камчатки на Командорские острова, а айны остались на полуострове, обосновавшись в деревнях Явино и Гольгино. Согласно переписи 1897 г., к концу XIX в. население дер. Гольгино составляло 57 человек, а Явино — 39 (33 айна и 6 русских). В советское время оба населенных пункта были упразднены, а жители переселены в пос. Запорожье Усть-Большерецкого района.

Волею судьбы на территории России, кроме северокурильских айнов, оказались в малом числе туземцы южных островов — выходцы с Кунашира. По сообщениям прессы, ныне 12 человек, в том числе шестеро — члены родовой общины, проживают в Петропавловске-Камчатском [Российская газета 2008 URL: <http://www.rg.ru>].

В целом же на Южных Курилах под японским владычеством айны оставались продолжительное время. И в середине XIX в. здесь еще сохранялась система подрядных мест *басё*, в которую курильцы были активно вовлечены. Но с 1875 г. эти острова начали осваиваться переселенцами с разных концов Японии, и на следующий год монопольный промысел подрядчиков, мешавший развитию свободных промыслов, был отменен.

---

³¹ Еще 15 алеутов с Симушира и 63 курильцы с Шумшу вывезти не удалось, поскольку шхуна, которая должна была забрать людей, из-за сильных бурунов не смогла подойти к берегу [Шубин 1992в: 19].

Ввиду экономического оживления общее население Кунашира и Итурупа постепенно возросло за счет новопоселенцев (здесь создавались различные административные учреждения, больницы, школы, храмы), на северных же островах прирост японцев был очень мал. Их посещали в основном сезонные работники, а оставшихся на Шумшу айнов (97 человек) в 1884 г. насильственно переселили на Шикотан. Эта депортация стала роковой для малой айнской общины. Хотя водворенных на Шикотан туземцев японские власти снабдили жилищами, лодками, рисом, предметами первой необходимости, разрешили им заниматься сбором морской капусты, рыболовством, скотоводством и земледелием, эти меры оказались недостаточными. Из-за непривычной жизни многие стали болеть цингой, туберкулезом и быстро умирать³². За пять лет численность айнов снизилась в полтора раза. Лишь в 40-е годы XX в. всех оставшихся в живых — а выжило меньшинство — отправили в Японию.

На Южном Сахалине после подписания договора 1875 г. стали появляться айнские рыболовецкие артели, успешно конкурировавшие с русскими. Однако значительная часть побережья все же не использовалась. Ситуация осложнялась тем, что веками процветавшая в северных землях торговля прекратила существование из-за появившихся государственных границ. Пройдет совсем немного времени, и после Русско-японской войны по Портсмутскому договору (1905) Южный Сахалин вновь отойдет Японии. Затем сахалинские айны подвергнутся японскими властями поэтапно переселению на Хоккайдо [Сасаки 1992: 126].

На Хоккайдо еще в 1859 г. (а на Сахалине — в 1870 г.) было создано колонизационное управление *кайтакуси* с административным центром в Саппоро³³. Для изыскания природных ресурсов, развития сельского хозяйства и других направлений освоения острова сюда стали приглашаться ученые из Европы и Америки [Левковская 2010: 197]. Наряду с этим после образования в 1873 г. японской

---

³² Существенным негативным фактором стало то, что айнам запретили заниматься охотой, в том числе морским зверобойным промыслом. А недостаток жира в пищевом рационе туземцев и приводил к тяжелым заболеваниям.

³³ Остров Эдзо был переименован в Хоккайдо после революции Мэйдзи (1868).

национальной призывной армии началась отправка в северные земли военных поселенцев. В 1874—1889 гг. на еще мало обжитой территории было размещено около 40 тыс. человек. Тем самым японское правительство решало важные внутривосточные задачи: изоляцию недовольных самураев, подготовку новых кадров для будущей армии, укрепление северных границ³⁴ [Арутюнов, Щебенков 1992: 82].

Что касается туземцев, колониционное управление ввело запреты на некоторые их исконные обычаи: мужчинам запрещалось носить серьги, использовать отравленные стрелы, женщинам — наносить татуировки. Кроме всего прочего, был запрещен медвежий праздник. Между тем в Токио для айнской молодежи открыли временную школу. Однако униженное положение, в котором оказалась айнская молодежь, как и невозможность приспособиться к столичному образу жизни, свели это благое начинание на нет. В русле дальнейших «прогрессивных» инноваций в 1876 г. айнов включили в состав японского народа и приравнивали к *хэймин* — «простому народу» [Арутюнов, Щебенков 1992: 81; Позднеев 1909, т. 1: 11].

В 1877 г. японское правительство провозгласило на Хоккайдо частное землевладение. Эта мера, по мнению многих исследователей, способствовавшая развитию сельского хозяйства и промышленности, вела к окончательному обнищанию туземцев и полной потере ими традиционных рыболовных, охотничьих, собирательских и даже земледельческих угодий. Например, айнам выделяли небольшие участки земли, но они были плохого качества и давались только на правах землепользования, что позволяло их отбирать под разными предлогами [Арутюнов, Щебенков 1992: 84, 86].

К этому времени внутри айнского общества усилилось социальное расслоение: старосты селений оказывались во главе артелей, получая возможность присваивать часть общественного дохода. Как видится, одни быстро богатели, другие, менее предприимчивые, — беднели. При этом родовые владения нередко трансформировались в артельную собственность [Таксами, Косарев 1990: 150].

Видя бедственное положение айнов, многие японские ученые и государственные служащие, такие как Коно Цунэкити, проявляли заботу о сохранении айнского культурного наследия. Во многом

---

³⁴ Военные поселенцы занимались сельским хозяйством, обучались военному делу, а также выполняли полицейские функции.

благодаря их усилиям к концу XIX в. в рамках просветительской деятельности местного населения при храмах стали открываться школы, где желающих, включая и айнов, учили основам чтения и письма [Левковская 2010: 198; Прокофьев 2006: 12].

В 1890-х годах просвещением айнов занялись миссионеры. Дж. Бэчелор и Натлшип открыли христианские школы в Поробэцу и Хакодатэ. Между тем правительство в 1899 г. издало «Закон о покровительстве аборигенному населению», по которому туземцев начали освобождать от ряда налогов, содействовать их образованию, выделять неимущим средства на продукты первой необходимости, а с 1901 по 1909 г. основало несколько школ упрощенного обучения (история, география и естествознание в их курсах обучения отсутствовали). С 1937 г. айны стали обучаться в общих начальных школах [Арутюнов, Щебенков 1992: 89].

После поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. к Японии был присоединен Южный Сахалин. Оказавшихся в распоряжении японских властей айнов в 1921–1923 гг. собрали в селениях восточной (Касиба, Ниитой, Сирохама, Очихо, Тарайка) и западной частей острова (Тарантомари, Тофуцу, Чирай, Райтиси и Усиро). Большинство из них работали на японских рыбных промыслах. После окончания Второй мировой войны их всех, как прежде курильцев, переселили на Хоккайдо [Левин, Дубровина 1969: л. 22; Kindaichi 1941: 10].

Перед тем как покинуть Сахалин, айны приносили свои ценные вещи на родовые кладбища, которые располагались недалеко от селений. Сакральные предметы зарывали под корнями деревьев, прятали в кустах и скрытых местах [Прокофьев 2005: 8].

Лишь немногие айны пожелали остаться на Сахалине и смогли избежать переселения. Так, в 1949 г. в пределах Сахалинской области их насчитывалось около 100 человек. По официальной статистике, еще в 1970-х годах чистокровные представители айнского этноса обитали на острове, но в 1980-х годах последние из них умерли.

В Японии первая половина XX в. ознаменовалась подъемом национального движения — в 1930-х годах на Хоккайдо была создана первая айнская ассоциация. Однако активно отстаивать свои права айны стали лишь в послевоенный период, когда в стране происходили серьезные политические преобразования. При содействии Тири Масихо, Тири Такао и Огава Саносукэ была восстановлена айнская ассоциация, не функционировавшая в военное время,

а ученый Такахаси Макото наладил издательство газеты «Айну симбун». Уже тогда стал обсуждаться вопрос о возвращении айнам их исконной земли и создании айнской автономии [Арутюнов, Щенбеньков 1992: 90, 91].

В 1971 г. ассоциацию «Айну-утари» переименовали в «Утари Хоккайдо», а в 2008 г. — в Айнскую ассоциацию Хоккайдо. Ее деятельность в определенной мере способствовала улучшению благосостояния айнов, их образованию, сохранению и восстановлению самобытной культуры³⁵. Кроме того, около десяти человек объединились в ассоциацию сахалинских айнов «Карафуту айну кёкай». А в 1987 г. айнские представители приняли участие в заседании Организации Объединенных Наций, где были озвучены наиболее насущные их проблемы [Левковская 2010: 198; Спеваковский 2003: 43].

6 июня 2008 г. японский парламент признал айнов самостоятельным национальным меньшинством, то есть, по сути, самостоятельным этносом. Хотя с практической точки зрения это не оказало существенного влияния на их положение, но юридически установило национальное равноправие. Бесспорно, в истории айнского народа этот факт можно считать важнейшей вехой.

---

³⁵ Ассоциация разработала новый законодательный проект, альтернативный закону 1899 г. В этом документе, в частности, оговаривались права айнов на участие в политической деятельности, а также в области образования и культуры [Спеваковский 2003: 46].